

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРАВДА ПЕРСОНАЛЬНОГО ФОРМАТА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Правда персонального формата

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Правда персонального формата / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2022 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-171235-8

Давным-давно индийская принцесса, сбежав из дома с любимым, прихватила с собой драгоценное кольцо — и вот спустя долгое время наконец анонсирована его продажа с молотка. Однако на заграничном аукционе редкое украшение так и не появляется, меняя хозяев криминальным путем. Владевшая им генеральская вдова убита, ее ювелир — тоже, причем, аналогичным образом. Расследуя это дело, майор Милонов и капитан Горохова сначала ищут одного убийцу, но в процессе понимают, что имеют дело с целым клубком хитроумных преступлений...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171235-8

© Романова Г. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Владимировна Романова

Правда персонального формата

© Романова Г.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Квартира была не просто большой – по его меркам, огромной. Его мальчишки запросто смогли бы в коридоре поиграть в футбол. А племянница жены легко погоняла бы тут на своем розовом велике. Коридор был размером с его гостиную, где помещались большой диван с парой кресел, телевизор на стеклянной тумбе, несколько узких высоких шкафов – и его сыновья ухитрились там еще и с мячом повозиться. Он иногда к ним присоединялся. Места хватало.

В коридоре, который он сейчас внимательно осматривал, было почти пусто. Сверкающий натяжной потолок с дюжиной встроенных светильников. Ниши с одеждой за жалюзийными дверями. Ни вешалки, ни тумбочек, зато уйма зеркал. На каждой стене! От потолка до пола. Ему даже немного неуютно было проводить осмотр, без конца натываясь на свое отражение.

В просторных комнатах, а их насчитывалось пять, мебели тоже было немного. Но что ни шкаф, то музейный экспонат. Картины, конечно же. А как без них! Фарфор недешевый, много коллекционного хрусталя в буфетах красного дерева. Ковры, по которым их попросили ходить в бахилах. Темные дорогие портьеры на окнах.

Он не удержался и потрогал тяжелую, матово поблескивающую ткань. На ощупь она оказалась даже лучше, чем ему представлялось. Мягкая, гладкая и странно прохладная.

– Дорого, богато, – вздохнул рядом с ним его напарник Серега Носов.

– Да-а. – протянул он, чтобы просто отозваться.

И поднял глаза к потолку гостиной, которая запросто могла посоперничать размерами с комнатой для совещаний в их отделе.

Там – под потолком – среди всего этого великолепия висел в петле труп хозяйки квартиры Зои Григорьевны Илюхиной.

При жизни она была роскошной дамой. И, невзирая на свои шестьдесят шесть лет, выглядела довольно молодо и симпатично. Подобное заключение сделал Илья, рассматривая ее фотографии, выстроившиеся в ряд на каминной полке.

В соседней комнате на длинном узком диване плечом к плечу сидели родственники Зои Григорьевны. Потенциальные подозреваемые в совершении убийства, если будет установлено, что смерть хозяйки квартиры наступила не по естественным причинам. Ну, в том смысле, что она не сама себя убила.

Вот как только подъедет их эксперт, так что-то и будет установлено. А пока Илья прислушивался к вздохам и настороженному шепоту безутешной родни.

– Ты вот зачем вообще к ней сегодня поперся? – шипел родной брат покойной – худощавый очкарик – на своего сына. – Никогда с утра не приходил. А тут вдруг! Зачем?

– Она мне денег обещала дать, – отозвался высокий симпатичный парень с копной кудрявых русых волос.

– Именно сегодня? – возмутился отец. – И зачем опять?

– Да, именно сегодня. На новый проект, – ответил сын негромко.

– Опять проект! – фыркнула достаточно громко сестра покойной Зинаида Григорьевна – невысокая, толстая, некрасивая. – Одни проекты! Проекты и никакой реализации, ничего более. Сколько денег ты из нее вытянул, Арсений? Не пора бы остановиться!

– Теперь вот и остановлюсь, – с тоской произнес молодой человек, осторожно обходя взглядом дверной проем гостиной, где все еще висело в петле тело его тетки.

– А может, это ты ее, а, Сеня? – с легким хохотком ткнула парня локтем в бок его двоюродная сестрица, сидевшая с ним рядом. – Тетя отказала тебе на этот раз. Ты ее и того – в петлю-то и сунул...

Эта красивая сорокалетняя женщина – дочь сестры покойной – оказалась не так уж и не права. В петлю Зою Григорьевну действительно сунули.

– На тот момент она уже была мертва как минимум пару часов, – докладывал эксперт, осматривая тело, уложенное на пол.

– А смерть наступила предположительно когда? – Илья вопросительно глянул.

– Предположительно вчера часов в одиннадцать вечера. Точнее – после вскрытия.

– А как она умерла?

– У нее сломана шея, – отозвался эксперт. – Но не петлей. Это мог быть мастерский захват. Или неудачное падение. Точнее скажу позже.

То есть, выходило, что ей сначала сломали шею. А потом уже сунули в петлю.

– Спустя два часа?

– Приблизительно.

– Но зачем? – возмутился шепотом Серега Носов.

– Чтобы замести следы, – отозвался эксперт, подергав плечами. – Глупо, конечно. На что рассчитывали? Что тут идиоты, что ли, работают?

Идиотов сейчас не держали. Зарплату неплохую платили, будьте любезны работать с полной отдачей.

– А как в петлю тело определили?

– Ничего подходящего я вокруг не вижу, – повертел головой эксперт. – Либо не один орудовал. И тут сила нужна. Либо портативная лебедка.

– И такие есть?

– Сейчас, Илюша, все есть. Даже мини-тракторы, которые тротуарные дорожки от снега чистят. Маленький такой, почти игрушечный. А какая производительность! У моего тестя на даче такой имеется. Он там минувшей зимой все дороги вычистил. По просьбе соседей. Ну, не за бесплатно, конечно... А ты говоришь, лебедка! Сейчас серьезный инструмент можно в небольшой сумке принести. Или даже за пазухой. И так же вынести. Но оговорюсь. – Тут он глянул на оперативников со значением. – Могли и повесить руками. Через два часа после остановки сердца на теле уже не останется синяков.

– Могли ждать по этой причине?

– Илюша, тебе искать. Я здесь закончил. К выносу тела готовы? – Эксперт вопросительно глянул на санитаров.

Тело унесли. С пола собрали полиэтилен, на котором оно лежало при осмотре. В гостиную пригласили родственников.

Сообщить им новость Илья решил всем вместе. Интересно было понаблюдать за их реакцией, послушать. Потом уже опросит каждого отдельно. На себя возьмет мужчин. Сергей работает с женщинами.

Родственники вошли в гостиную, но дальше чем на метр от двери не решились пройти.

– Давайте, еще раз и без нервов, – оглядел каждого Илья. – Кто нашел тело?

– Я. – Парень поднял руку, как на уроке.

– Во сколько? Как вошли в квартиру?

– Утром. В девять с небольшим. Точно не помню. Можно свериться с камерой на подъезде. – Арсений сунул руки под мышки. Сдул кудрявую прядь со лба. – Я вошел беспрепятственно. Потому что дверь была открыта.

– Как открыта? Настежь?

– Нет, что вы! – Он будто перепугался. – Соседи бы отреагировали! Они здесь все жили как в коммуне.

– Вы подошли и что? – перебил его Илья.

С соседями и о соседях позже.

– Позвонил.

– Своих ключей у вас не имелось?

– Нет. У тети Зои есть. У нас с отцом ключей не было и нет. – Арсений перевел взгляд на тетку.

И ничего в глазах, кроме мелкого удовлетворения. Полные щеки тетки занялись красным.

– Позвонили и?

– И никто не открыл, а должен был. Должна то есть. Мы с ней договаривались. Она обещала мне денег на новый проект. Велела зайти с утра. Я и зашел. Позвонил. Она не открыла, я дернул дверную ручку...

– Вы всегда так делали, когда Зоя Григорьевна вам не открывала?

– Нет. Не делал так раньше, потому что она всегда открывала. – Голубые глаза парня округлились. – Просто инстинктивно дернул за ручку.

– Или разозлился, что планы рухнули, да, Сенечка?

Красиво напыленные губы его двоюродной сестры вытянулись в прямую линию. Это она так улыбалась, надо полагать.

Арсений беззвучно зашевелил губами, обращая взгляд в потолок. Но вдруг понял, что смотрит на люстру, на то самое место, где до того висело тело его тетки, и, нервно дернувшись, отвернулся.

– Вы вошли в квартиру, – продолжил Илья. – Что-то показалось вам подозрительным? Вещи, может быть, лежали не на тех местах? Что-то передвинуто было?

– Да все как обычно. Чисто. Все на месте. Ни разбросанных вещей, ни разбитых чашек, если вы об этом. Ничего подозрительного. Я сразу в кухню прошел. Тетя Зоя обычно в это время кофе себе варила. И я надеялся на чашечку...

– И на несколько десятков тысяч рублей! – мелодично рассмеялась его кузина. – Или даже долларов!

– Это не твое дело, между прочим. Тетя меня всегда поддерживала. Она любила меня! А тебя это бесило, потому что...

– Потому что никто и ничего не дал мне просто так, – перебила она его очень жестким голосом, совершенно не вязавшимся с ее приятной внешностью. – Я работаю! И зарабатываю на жизнь, а не кормлюсь подачками.

– Ты! – Он вдруг сжал кулаки и пошел на нее, успевшую нырнуть за широкую спину матери.

– Так, прекратите. – Илья устало махнул рукой в сторону напарника. – Капитан, давай начнем с людьми говорить, пока они не передрались.

Носов поманил его пальцем в сторону хозяйской спальни. И стоило Илье прикрыть за собой дверь, сразу прошептал:

– Ну, ты же, конечно, понимаешь, что это кто-то из них?

– Девяносто восемь процентов, – кивнул Илья, внимательно осматривая комнату. – Богатая родственница с отменным здоровьем, кому она нужна? Не дождешься, пока помрет. А квартира в центре, картины, мебель... Все это тянет не на один десяток миллионов. И... Так, а это что такое, Серега?

Он подошел к длинному комоду в изножье широкой кровати с резными спинками. Нагнулся и пальцами, обернутыми носовым платком, вытянул картонную коробку. Крышка была слегка замята. Илья ее открыл. В коробке было пусто.

– Что за ерунда? Зачем она здесь? Ларец был бы какой резной – это понятно. А тут картонная коробка! И пустая! Может, племянник все же успел взять деньги на свой новый проект?

– Считаешь, там хранились деньги?

– А что еще? Либо деньги, либо какие-то бумаги. Для обуви коробка маловата. Низкая. Двадцать пять сантиметров на двадцать пять. Восемь сантиметров примерно высотой. Какую

обувь туда положишь? – Илья почесал макушку, следом повел вокруг себя рукой. – Как-то выпадает этот предмет из общей картины, Серега. Деньги?

– Но у хозяйки имеется сейф. Мы пока туда не забрались. Ждем спеца. Но логично предположить, что все деньги и ценности у нее там.

– А если нет? Если она была так хитра, что не держала все яйца в одной корзине? Ладно, идем покажем родственничкам. Может, кто опознает предмет.

Все четыре головы одновременно отрицательно качнулись. И со всех сторон посыпалось: нет.

– Вам бы у ее любовника спросить, – неожиданно выдала семейный секрет сестра погибшей.

За это на нее тут же зашипели со всех сторон. И Илья даже отчетливо услышал про сор, который из избы не выносятся.

– Есть еще и любовник? – Сергей закатил глаза, отвернувшись от родственников погибшей. И произнес вполголоса: – Как все банально...

– И кто он? И где он? – спросил Илья, мысленно хмыкнув.

Он был согласен с Сергеем. Дело было как по учебнику. Возиться, правда, придется много, но результат очевиден. И подозреваемые определены. И мотив один – деньги.

– Так, давайте мы с вами поговорим по очереди. А то у нас какой-то базар получается. Итак... Иван Григорьевич! Начнем с вас. А Сергей с Зинаидой Григорьевной пока побеседует. Молодые люди никуда не уходят. Ждут своей очереди...

Они расположились в хозяйской кухне, служившей и столовой одновременно. Большой овальный стол под белоснежной скатертью, десять стульев. На них они и уселись друг против друга.

Иван Григорьевич долго протирал очки, нервно ежась под пристальным взглядом Ильи. Потом произнес те самые слова, с которыми майор Милонов не мог не согласиться.

– Богатая вдова, одинокая, без детей... Легкая добыча для альфонсов и алчных родственников. Все закономерно. – Он нацепил очки и с кривой ухмылкой, не испортившей его художавое лицо, спросил: – Так ведь вы думаете?

Илья промолчал, почувствовав досаду.

– Только все не так просто, уважаемый товарищ полицейский. – Он уставился на свои пальцы. Красивой формы без возрастных артритных узлов. – Во-первых, Зоя не была глупой курицей. И обмануть ее, начав вытягивать деньги, никто бы не смог.

– Вот кто-то и не выдержал и убил ее, все забрав, – предположил Илья.

– Чушь, майор. Она держала деньги в банке. Драгоценности – да, в сейфе хранились. А деньги... Все в банках. Причем в разных. Наличности дома было совсем немного. На мелочи да на Арсения. Она иногда баловала его. Верила в его идеи. Я возмущался, да она не слушала меня. Любила его очень. Считала талантливым.

– Он мог...

– Оставьте этот бред! – не дал ему договорить Иван Григорьевич. – Арсений комара не убьет! Занимается разработкой компьютерных программ. Весь на своей волне, как это сейчас говорят. Денег ему хватает. Долгов нет. Наркотики не употребляет. Постоянной девушки, которая бы тянула из него средства, нет. В азартные игры не играет. Зоя она... Она постоянно следила за ними. За ним и Эльзой. Чтобы они с пути истинного не свернули. Чтобы не вляпались никуда. Мы, как родители, были отлично подстрахованы с ее стороны.

– Каким же образом она за ними следила? – заинтересовался Илья.

– О, у нее имелся целый штат частных детективов. Шучу, конечно. Но были постоянные люди, которые оказывали ей услуги. И о своих племянниках, а заодно и о нас с Зиной, она знала все. – Иван Григорьевич потер бледные щеки, зажмурился. – Не могу представить, что ее больше нет! Как будто из-под меня стул кто выбил! А выходит, стул выбили из-под нее...

Илье снова пришлось напомнить, что сестру Ивана Григорьевича сначала убили, а потом уже повесили, для наглядности положив набок стул под ее телом.

– Не могу себе представить, кому это нужно?! – В глазах брата жертвы впервые заблестели слезы.

– У кого был мотив?!

Илье даже говорить ничего не пришлось. Оказалось достаточно взгляда и тяжелого вздоха, чтобы брат покойной разозлился.

– Ах, оставьте свои намеки! Никто из нас не пошел бы на это ради ее денег. Мы ее очень любили.

– И Зина тоже?

Илье тут же вспомнилось некрасивое рыхлое лицо Зинаиды Григорьевны. Ее недорогое платье и поверх него заношенный джемпер в катышках. Старые туфли и толстые колготки с поползшей стрелкой на левой ноге.

– Она небогата, судя по ее виду. И характером обладает не очень приятным. Про любовника сестры сразу выболтала, хотя вы не собирались нам о нем рассказывать.

Илья внимательно наблюдал за реакцией. Иван Григорьевич, попытавшийся было возмутиться на его первых словах, вдруг сник. Уронил голову и, сцепив красивые пальцы в замок, проговорил:

– Она всегда ей завидовала.

– Зина Зое? – уточнил Илья.

– Да, – часто закивал мужчина. – Сначала родители... Они больше любили Зою. Зина уродилась в деда по линии отца – цыганистая, низкорослая, полная. И с годами лишь полнела и не становилась краше. А Зоя... Она всегда была тростинкой, ухоженной, светской. И с мужем ей повезло. Вышла замуж за генерала! Катались с ним по заграницам, потом осели в стране. Он очень удачно демобилизовался. Получал большую пенсию. Сбывал за хорошие деньги то, что покупалось за границей на продажу. Одно время они даже подумывали открыть антикварный магазин. Да генерал внезапно умер. Зоя горевала долго. Лет пять на мужчин вообще не смотрела. Потом начались бесконечные романы. Но, что характерно!

Иван Григорьевич с удовлетворенной улыбкой глянул на Илью.

– Каждый ее роман приносил ей прибыль, а не наоборот. Мужчины заваливали ее подарками. Кто-то даже снабжал ее деньгами. Содержал ее! И этот – последний, он тоже весьма обеспеченный господин. Приезжал к сестре на шикарной машине. Возил ее по ресторанам. На отдых за границу. Не он тянул с Зои деньги, а наоборот.

– А чем он занимается? Можно его данные? – Илья приготовился записывать.

– У него какой-то бизнес, Зоя говорила. Точно мне неизвестно. Я даже фамилии его не знаю, – удивляясь сам себе, округлил глаза Иван Григорьевич. – Я многих ее ухажеров как-то пропустил. Их было много.

– Как же так! – расстроился Илья. – И как нам теперь его найти?

– А я помню номер машины, на которой он приезжал, – удовлетворенно заулыбался Иван Григорьевич. – Записывайте.

Глава 2

Утро не задалось, значит, и весь день будет говенным. Стас мрачно смотрел в сторону огромного окна. И почти не видел, что там за ним: солнце, дождь, весна или лето. Новость последнего часа его буквально пригвоздила к полу. Он шел с кофейной чашкой от плиты к креслу у окна, собираясь просто посидеть, поглазеть на улицу и ни о чем вообще не думать. Просто сидеть и смотреть. И тут пришло сообщение на мобильный.

– Твою мать, а! – скрипнул он зубами, выгибая спину, и топнул ногой. – Твою мать!

Кофе тут же выплеснулся из чашки на пол. Он наступил в лужицу ногой. И снова разозлился. И подумал: раз утро дерьмовое, значит, и дню таким быть.

И ведь сам себе напроорочил!..

Он все же уселся в кресло, сварив еще кофе. Перед этим вытер лужицу на полу. Протер ступню салфеткой. Кофе в чашке, он в кресле, взгляд устремился за стекло.

Конец мая выдался сопливым и холодным. Ему пришлось даже в шкаф на верхнюю полку лезть за теплым спортивным костюмом – все убрал в конце зимы. И отопление в доме заново запускать. В машине – смешно признаться – печку включал, потому что ноги в легких туфлях мерзли.

Но три дня назад тучи разметал ветер. Дороги просохли, столбик уличного термометра резко пополз вверх. И сегодняшнее утро было названо синоптиками самым жарким за последние двадцать лет. Отопление он отключил еще позавчера. Костюм, выстирав, снова убрал на верхнюю полку шкафа. И вечером, созвонившись с Зоей, принялся строить планы по отдыху на вторую декаду июня.

Она жеманилась и отнекивалась. Врала, старая сучка, что ограничена в средствах и все такое. И он, принимая правила ее игры, киношным голосом отвечал ей:

– Я все решу, дорогая...

А теперь вот выходило, что кто-то все решил за него. И отдыха никакого ему не светит, потому что из полученного сообщения ясно: к ним едет Ревизор. Не тот, конечно, что у знаменитого классика. А тот, который крышевал и контролировал и его бизнес тоже. И Ревизор – было его погонялом. Кличкой, хотя так сейчас не принято говорить.

Ревизором звался пожилой маленький мужичок с нежным именем Веня. Был он при низкорослости своей еще и толстеньким. И лик имел настолько добродушный и улыбочивый, что, глядя на него, ни за что не подумаешь о миссии, которая на него возложена.

– Зачем он едет? – позвонил Стас по номеру, с которого пришло сообщение.

– А кто знает?! – Голос в трубке звучал взволнованно, даже испуганно. – Может, кто донес что?

– Что? У тебя косяки есть? Настолько серьезные, что отложить визит ему было нельзя? – пристал с вопросами к собеседнику Стас, пристраивая пустую чашку возле ножки кресла.

– У меня нет, – неуверенно отозвался тот.

– И у меня нет! – Он подумал и добавил: – Таких прям очевидных – нет. Все равно. И созванивались в середине мая. Все было четко. Чего вдруг?

– Стасик... Я же... Я же человек маленький в сравнении с тобой. И бизнес у меня мельче.

Стас насторожился, коротко прикинул: чем обусловлен такой вкрадчивый голос собеседника? То ли знает что, то ли заискивает. Так он подумал.

– Хочешь сказать, что раз у меня бизнес круче, с меня и спрос другой? – хохотнул он невесело. – Процент хотят поменять, что ли? Я не понял! Слушай, Гриб, если что есть, говори прямо. Хорош юлить! Кто из нас и где облажался, ну?

Гриб – Грибов Коля, он же Кол, молчал непозволительно долго, без конца вздыхая и с кем-то тихо переговариваясь. Потом нехотя проговорил:

– По ходу, облажался ты, Стасик.

– В смысле?!

Вот тут он почувствовал, как реально шевелятся волосы на макушке. Словно вши там поселились роем целым. Или стаяй. Или как там их сообщество точно называется? Поселились, одним словом, и живут вольной жизнью, устроив на его башке шабаш.

– Что за бред, на хрен!

Он резко вскочил, толкнув ногой кресло. Ножка поехала и перевернула чашку. А в ней недопитый глоток кофе. И он тут же нагадил еще одной лужицей на его полу.

– Это не бред, Стасик, – с насквозь фальшивым сочувствием проговорил Гриб. – Тебя неделю назад просили об одолжении?

– Кто? Кто просил? Тля какая-то офисная? Да кто она вообще такая – эта тетка с пучком?! Место ей нужно на центральной дорожке! Для своего деда умершего! А денег нет, чтобы это место оплатить по тарифу.

– Ты ей отказал, Стасик?

– Конечно! Сам знаешь, сколько оно стоит – это место. Мне за нее, что ли, бабло свое надо было вкладывать? Тот же Ревизор с меня и спросил бы! Ни места, на хрен, ни денег!

– Так-то оно так. Я даже очень тебя понимаю.

Фальши и меда в голосе Коли стало так много, что Стасу показалось: ухо у него сделалось липким.

– Но Ревизор, боюсь, не поймет, – торжественно закончил Коля, сопроводив вывод тяжелым вздохом.

– С чего это?

– С того, Стасик, что тетка эта с пучком, как ты ее назвал, сестрица Ревизора. Не абы какая родная, седьмая вода на киселе, но... Но дед-то у них оказался очень даже родным. То есть Ревизор был ему внучатым племянником. А ты отказал. Обидел тетку с пучком и самого Ревизора.

– Но я же не знал, мать твою! – заорал Стас, почувствовав, как тело его мелко содрогается.

– А надо было спросить.

– У кого?! У помершего деда? У тетки? Она хотя бы намекнула!

– У меня надо было спросить, Стасик. У меня. Я-то был в курсе. – По голосу было слышно, что Гриб улыбается. – Но ты гордый стал. Заносчивый. С чего, Стасик? Спесь такая откуда?

Стас молчал, мысленно прокручивая варианты наказания за отказ в услуге родственнику Вени.

Убить не убьют. Не такой страсти прокол. Накажут рублем? Отожмут то самое кладбище, куда он не захотел впускать сестрицу Вени? Ладно! Пусть отбирают часть бизнеса. Штрафами обложат. Он справится. Он выплатит. У него денег много. Очень много! Он всегда умел зарабатывать.

– Я понял тебя, Коля, – вежливо оборвал упреки Стас. – Спасибо за информацию. Так когда, говоришь, он приедет?

– Я же написал тебе: к нам едет Ревизор, – противно хихикнул Коля. – Но это ко мне он едет, а к тебе уже доехал. Открывай ворота, Стасик...

Этот гнусный туберкулезник на прощанье закашлялся, и телефон затих. И через минуту в ворота Стаса позвонили.

Он подошел к камере домофона и со стоном нажал кнопку, отпирающую ворота. За ними, поглаживая вспотевшую лысину носовым платком, топтался толстяк Веня. Со стороны взглянуть: милый пенсионер в льняной рубашке навыпуск, матерчатых туфлях и широких светлых штанах. Звонит в ворота, потому что адресом ошибся. Но приглядевшись, можно заметить сразу четыре головы в окнах джипа, припарковавшегося на обочине. И если бы кто поймал

взгляд Вени, то сразу бы усомнился в своих выводах. Потому что глаза у Вени были как два змеиных жала, как два дула пистолетных, как два омута, из которых не вынырнуть.

Стас подхватил с кресла футболку и, на ходу ее натягивая, почти бегом кинулся навстречу гостю.

– Вениамин Сергеевич, приветствую. – С заискивающей улыбкой Стас схватил двумя ладонями жирную потную Венину ладонь. – Рад... Крайне рад принимать вас в гостях...

– Идем, Стасик, – поторопил тот его, подтолкнув в спину. – Жарко тут, на солнце. И ты погоди радоваться.

Из глубоко посаженных темных глаз Вени в Стаса выстрелило предупреждением. Он мысленно отщипнул у своего бизнеса еще кусок.

Они вошли в его дом, начинающийся сразу огромной кухней-столовой. Все современно, в хrome, стекле и белоснежных шкафах. Кресла, стулья, диван – все легкое, на высоких ножках.

– Как у тебя, однако... – принялся озираться Веня по сторонам. – Модно...

– Спасибо, спасибо, Вениамин Сергеевич. Может, что-то выпьете? Горячительного или прохладного?

– Лимонаду хочу, – капризно вывернул губы толстяк и двинулся к диванчику под картиной, которую Стасу подарила Зоя.

Сел, ноги едва до пола достали. Задрав голову, осмотрел картину.

– Подлинник?

– Да... Совершенно точно подлинник, но автор не из знаменитых. Я приглашал экспертов. Цена за нее смешная.

– Бабуля подарила? – В глазах Вени расплавленной лавой заплескалось веселье. – И как она? В постели как, Стасик? Как оно со старухой-то?

Он хотел было сказать, что разница небольшая. Кожа у Зои была нежной и гладкой. Лишнего жира ни грамма. И в постели она работала, как профессионалка. Но...

Но он только подобострастно хихикнул в ответ и неопределенно повел подбородком.

– А ты вообще с чего это с ней спутался, Стасик?

Взяв из его рук потный стакан с лимонадом, Веня подозрительно прищурился.

– Да черт его знает, – подумав, признался он честно. – На выставке какого-то мазилы познакомились. Кофе выпили раз-другой. Что-то закрутилось. Баба она интересная.

– И при бабле, – вкрадчиво вставил Веня. – Генеральская вдова, шутка ли!

– С ней есть о чем поговорить. И если честно... – Стас глумливо поухмылялся. – В постели она машина.

– Да и выглядит она почти твоей ровесницей. Тут не поспоришь, – поддакнул Веня, прикрываясь высоким стаканом с лимонадом и шумно отхлебывая из него.

– Да. Она много времени себе посвящает: стилисты, массажисты, косметологи. И прочая хрень. Детей нет. Тратить не на кого.

– И ты решил, что неплохо будет, если бабуля станет тратить на тебя. Понимаю. – Веня беззвучно рассмеялся, его толстое тело заколыхалось огромным студнем. – Молодец. Хвалю.

– Спасибо.

Стас натянуто улыбнулся, понимая, что сейчас его гость перейдет к основной цели своего визита. Но тот вдруг умолк, уставился в стакан, словно гадал на лимонадных пузырьках, усеявших стеклянные стенки. И Стас решил сыграть на опережение.

– Вениамин Сергеевич, я дико виноват перед вами. – Он подтащил стул и сел напротив Вени с низко опущенной головой. – Честное слово, не знал, кто эта женщина! Она хотя бы намекнула, чья она родственница!

– Да-а, казус, – сонно пробормотал Веня, не отрывая взгляда от дна стакана.

– А так, я не знал, как поступить! Место требует, платить не хочет. Вы бы первым с меня спросили, подари я его ей.

– Ну, во-первых, не ей, а моему деду, – вставил Веня чуть более твердо. – А во-вторых... Мог бы и поинтересоваться у Гриба, с чего это тетка так настырничает. Не просто же так, Стасик, она тупила. Гибкость утратил в работе с клиентурой? Поучить тебя?

– Мой прокол, простите! Готов понести наказание!

Поучить?!

Стас тут же напрягся всем телом. Обучение как денег ему может стоить, так и физического урона. Не просто так Веня приехал сразу с таким количеством телохранителей. У него даже ребра заныли, стоило представить четыре пары ног, работающих над его воспитанием.

– Вениамин Сергеевич, простите!

Как-то так вышло само собой: он сполз со стула, упал на колени и попытался поймать жирную потную ладошку гостя, чтобы приложиться к ней губами. Самого от себя тошнило. А что делать!

– Стасик, Стасик, ну полноте, голубчик, – голосом доктора Айболита проговорил Веня. – Встань ты уже. Что за цирк!

Он послушно поднялся. Снова оседлал стул и вытер глаза, сделав вид, что прослезился от чувства вины. На самом деле с радостью наподдал бы толстяку пинков, подгоняя к выходу. А нельзя. Его ненависть плелась рука об руку со страхом.

Молодчики Вени запросто могли бы организовать ему могилку на его же кладбищах. Выбирай любую! Он сам не раз отдавал распоряжения тихонько похоронить какого-нибудь неугодного.

– На самом деле, Стасик, я здесь не из-за своей тупой сестрицы. – Полное лицо Вени сморщилось. – Она такая сука! Не позвонила мне, когда дед заболел. Не попросила помощи. А потом даже не поставила в известность, что его не стало! Поперлась к тебе. Встала в позу. Сука противная! А Гриб тоже молодец: знал ситуацию и молчал. Спрошу с него, непременно спрошу, Стасик. А тебе признателен, что ты раскаялся. Молодец.

Веня сполз с диванчика и напрямик двинулся к холодильнику. Распахнул его, присвистнул и тут же попросил организовать бутербродов его ребятам.

– У нас с тобой разговор не на пять минут. А они не жрали ничего в дороге. Да и нам сообрази на стол. Выпить, закусить...

Веня пил только водку. Определенной марки. Стас всегда держал в запасе бутылок пять. Закусывал котлетами или вареным мясом. Не отказывался от квашеной капусты. Никакой колбасы, сыра, тепличных помидоров или огурцов.

Слава богу, у Стаса было чем напоить и накормить и Веню, и его парней. Для начала он поставил на стол бутылку водки, две рюмки, огромное блюдо с кусками вареной телятины. Он, к слову, тоже любил холодную вареную телятину. И всегда ее держал в холодильнике. Квашеной капусты не было. С позволения Вени открыл банку морской капусты. Лука добавил, ложку красной икры, сбрызнул яблочным уксусом. Веня кивком одобрил и тут же поторопил с бутербродами. Стас накромял пакет целый. И чая холодного в термос налил. Быстро отнес за ворота. Выслушал настороженную благодарность. Вернулся в дом.

Веня уже распивал и закусывал.

– Присаживайся, – пригласил он Стаса за его же собственный стол. – Разговор серьезный. И, может, тебе неприятный.

«Все-таки решили отжать бизнес», – подумал он с тоской, усаживаясь напротив гостя. Поднял свою рюмку, натянуто улыбнулся, спросил:

– За что пьем, Вениамин Сергеевич? За понимание?

– Это подождет, Стасик. Выпьем за успех нашего с тобой предприятия. – Веня одним глотком выпил, закусил. – И это не касается твоего бизнеса. Там у тебя все тип-топ. Я доволен. Все довольны.

Стас мысленно перекрестился.

– Дело такое, Стасик... – Веня уставил на него взгляд, затягивающий гипнотическим страхом. – Твоя Зоя... В общем, она подала заявку во всемирно известный аукцион на продажу одной вещицы из своей коллекции украшений. Отослала туда фотографию. И заключение эксперта. Ты не знал?

Стас почувствовал, что бледнеет.

Откуда?! Откуда, мать твою, Веня узнал об этом?! Они с Зоей договорились держать это мероприятие в тайне. И тщательно шифровали деловую поездку под летний отдых. Откуда утечка? Она проболталась? Или у Вени свои люди там, где проводятся торги? Или не у Вени, а у тех, на кого он работает?

– Не знал, – просипел он еле слышно. – У Зойки есть цацки. Я знаю. Мужик ее покойный по всему миру собирал. Но чтобы там было что-то достойное торгов в таком месте... Не-ет...

– Значит, старуха тебя обманывала? – хитро улыбнулся Веня, опрокидывая очередную рюмку водки.

– Да нет. Не врала она мне. Просто, возможно, не говорила всей правды? – Он нагнал в глаза озабоченности и корыстного интереса. – А что, действительно там что-то стоящее?

– Точно не знал. Верю, – сделал вывод Веня, пристально рассматривая Стаса минуты две. – И, да, вещица знаменитая. И очень-очень дорогая. Я бы даже сказал, баснословно дорогая!

– И... – Он судорожно сглотнул, что должно было выглядеть как заинтересованность. – И что это?

– Некое кольцо, вывезенное из Индии в середине прошлого века одной ополоумевшей от любви принцессой. Сбежала дочь раджи с нищим поваром, прихватив фамильные драгоценности. И среди них и было это кольцо. Чем ценно, спросишь ты?

– Да? Чем?

Стас поставил на стол рюмку. Пить водку с утра он считал извращением. Или признаком алкоголизма.

– Колье усыпано бриллиантами, но не в них ценность. А в изумруде, что в самом центре колье. Вот этот камень ценен.

– И как? Как оно от принцессы попало к покойному мужу Зои?

– Ой, кто же знает! Как только непутевая дочь умотала из Индии, след ее теряется. И ее, и ее повара. Тот человек, который меня прислал, это кольцо видел лишь однажды. На фотографиях жены раджи, сделанных очень давно. Тогда об этом украшении очень много писали местные газеты. Потом вся эта история с их вероломной дочерью. И все! И никто и никогда больше. И ни единого следа и упоминания. Скажи, напоминает сказку? – Язык у Вени уже заплетался. – И тот человек, который меня прислал, тоже годами считал, что это лишь сказка. Колье, типа, спрятали, а свалили все на дочку. А может, и не было там никакого изумруда. Ну и все в таком духе. И вдруг...

Веня замолчал и совершенно трезво глянул. Повелительно шевельнул пальцами в сторону мобильного телефона и потребовал тут же позвонить Зое.

– Спроси у нее, спроси, Стасик, как она собиралась провозить через границу такую баснословно дорогую вещь? Как собиралась ее задекларировать? Тот человек, который прослышал об аукционе, готов купить эту вещицу у нее. За очень хорошие деньги. Ей хватит и всей ее многочисленной родне, поверь. Звони. Спроси. И да... На громкую связь поставь, чтобы я слышал.

Стас почти примерз к стулу, хотя в доме поддерживалась комфортная температура в двадцать два градуса. Трясущейся рукой он пододвинул к себе мобильник и набрал номер Зои. Толстый палец Вени тут же ткнул в микрофон на дисплее, активируя громкую связь.

Если Зоя...

Черт! Если она сейчас ступит и выдаст его, Веня с парнями его даже до кладбища не довезут, похоронят прямо в подвале его же собственного дома. Есть у него там уголок с рыхлой землей. Нет, не для таких вот случаев он его приберег, не залив бетоном. Грибы он там разводить собрался. Уже и споры закупил. Им с Зоей идея совершенно понравилась и...

– Слушаю. – ответил мужской уставший голос.

– Зою могу услышать? – вибрирующим от страха голосом спросил Стас.

– А кто ее спрашивает?

– Ее хороший знакомый. Разве не определился абонент в телефоне? – немного с раздражением спросил он у мужика. – И кто вы такой, черт побери?

– В телефоне вы записаны, как Лапусик. У Лапусика имя есть?

– А у вас?

Он не наглед. Ему просто вся эта фигня не нравилась. Голос был незнакомым. И он точно не принадлежал ни ее брату, ни ее наглому племяннику, который без конца клянчил у нее деньги.

– Мое имя – майор полиции Милонов Илья Иванович. А ваше? Надо полагать, вы Стас Никулин? Любовник Зои Григорьевны?

– Д-да. Я тот самый Никулин, – с легкой запинкой ответил он, тараща глаза на Веню, поджавшего губы. – А Зою можно услышать?

– Услышать – нет. Увидеть можно. Подъезжайте к моргу на улице... – продиктовал майор адрес и добавил, прежде чем отключиться: – Только вряд ли у вас получится поговорить, Станислав. Ваша Зоя мертва. Жду вас в течение часа. Подъезжайте.

Глава 3

– Где пацаны?

Илья сунулся в кухню, где Ольга что-то помешивала в маленькой блестящей кастрюльке, стоя к нему спиной у плиты.

– Пацанов забрали бабушка с дедушкой. – Она обернулась, улыбнулась ему и подмигнула. – Вечер и ночь у нас свободны, Милонов! И еще один вечер и еще одна ночь. А еще...

– Они что же, их на все каникулы забрали? – заулыбался он жене в ответ.

– На пару недель точно. А что им делать летом в городе, скажи? – Она подцепила что-то ложкой из кастрюли, подула, попробовала. – Сейчас супчиком тебя стану кормить. Вкусным. Овощным. Вымой руки и к столу...

Илья быстро принял душ, натянул трикотажные шорты прямо на голое тело. С неудовольствием осмотрел свой поплывший животик. Надо бы подкачаться, а когда? Работа, дом, работа. Хорошо, Ольга следит за его питанием. Правильно кормит, подсчитывает калории. А то быть бы ему толстяком, как все мужчины по линии отца.

Ужинали они в полном молчании. Это всегда было главным условием Ольги. Быстро поесть, не превращая прием пищи в ритуал.

– За разговором, милый, можно быка слопать, – шутила она, пресекая все разговоры.

После ужина решили прогуляться. Побродили по парку. Народу было много, дети бегали, кричали, смеялись. И они тут же заскучали по своим.

– В выходной поеду, навещу их, – пообещала себе Ольга, хватая мужа под руку.

– И я с тобой. – Он потянулся и поцеловал ее в лоб.

– Ага! Сейчас что-то где-то случится, и ты снова на работе, – кисло улыбнулась Оля.

– Будем надеяться, что ничего серьезного не произойдет. И со всеми бедами справятся дежурные офицеры. Идем, съедим мороженое.

Они расположились в открытом кафе за самым дальним столиком. Ольга тут же провела кончиком пальца по столу. Удовлетворенно улыбнулась, удостоверившись, что пыли нет. Чуть склонилась над столом в сторону мужа и заговорщически прошептала:

– Ну, давай, майор, колись, что там у тебя сейчас интересного?

– Не поверишь! – откинулся он на спинку плетеного кресла. – Ничего. Все просто до соплей.

– И?

Оля мило улыбнулась подоспевшей официантке с меню, быстро сделала заказ и за него тоже. Дождалась, когда девушка уйдет, и повторила:

– И?

– В квартире в центре был обнаружен труп пожилой женщины, – вполголоса начал рассказывать Илья. – Первое впечатление – самоубийство.

– А второе?

Голубые глаза жены потемнели. Такое с ними всегда случалось, когда их хозяйка была заинтригована. Она вообще любила страшилки с его работы. Всегда приставала с расспросами. И даже пыталась давать советы. К которым, честно, Илья никогда не прислушивался.

– Повесили ее уже мертвой, – делая ужасное лицо, проговорил он.

– Ух ты! А зачем?

– В смысле? – не понял Илья.

– Повесили-то зачем? – Голубые глаза жены сделались почти серыми, даже щеки побледнели.

– Пока не знаю. Найдем злоумышленника, спросим, – меланхолично отозвался Илья и с неудовольствием поморщился. – Оля, давай хотя бы сейчас не будем о моей работе. Она мне вот уже где...

Ребро его ладони надавило на кадык.

Она послушно кивнула. Одарила еще одной улыбкой девушку, что принесла им мороженое. Вонзила в белый шарик ложечку и глянула на мужа исподлобья. Он заявки на продолжение разговора не принял, сосредоточился на своем сложном десерте из двух шоколадных шариков мороженого, печеной груши и россыпи ореховой крошки. Она поняла. Вздохнула и, следуя заведенной ею же традиции, принялась молча расправляться с мороженым.

Из кафе они вышли уже через двадцать минут. Могли бы раньше, да официантка долго не шла со счетом.

– Да-а, Милонов, – протянула Оля и хохотнула. – Нам с тобой только по ресторанам ходить.

– А что такое?

Он медленно брел по чистому тротуару и испытывал удовольствие уже оттого, что ему не нужно никуда спешить. Ни беготни, ни суеты, ни телефона на разрыв.

– Сели, поели, как в казарме, – весело фыркнула Оля, схватила его за руку, осторожно сжала пальцы. – Илюша, а сейчас куда?

– Домой. Кто-то что-то обещал мне. – Он поиграл бровями. – Пока детей нет. Или ты забыла?

– Не забыла, не забыла.

Оля ухватила за кончик длинной косы. Она до сих пор носила косу! И ему это страсть как нравилось. И все ее попытки остричь волосы он мгновенно пресекал. Убеждал, что она одна у него такая – замечательная, не поддающаяся ни на какие модные провокации. Она у него не просто женщина с большой буквы. Она у него подарок судьбы. Тоже с большой буквы подарок.

– Все в силе. – Она подмигнула со смешком. И вдруг понизила голос до шепота: – Илюша, а подозреваемые? Они у вас имеются?

– О боже, Оля! – Он с фальшивым трагизмом закатил глаза. – Конечно! Гулял бы я сейчас с тобой, если бы их не было. Целая толпа подозреваемых. И мотив имеется. Причем у всех один.

– Деньги?

– А то что же! – Он обнял ее за плечи, притянул к себе. – И хорошо, и плохо быть богатым, правда?

– Почему? – отозвалась она рассеянно.

– Никто тебя не любит просто так. Все – за блага, которые ты даруешь. И ненавидят, если этих благ нет.

– Там как раз так, да?

– Да. Брата покойная любила и его сына тоже. И щедрой была с ними. А вот сестрицу и ее дочку не особо жаловала. И если племяннице хоть что-то да перепадало, то сестре за всю ее жизнь покойная не дала ни рубля.

– О как! Это она так говорит? Сестра?

– Это они все так говорят. Практически в один голос. Особых тайн-то там не было. Богатая генеральская вдова. Шикарная квартира в самом центре. Деньги не транжирила, а даже преумножала. Пока не знаем, каким образом. Идет следствие, как ты понимаешь... – Илья ловко повернул их к пешеходному переходу, с которого вела прямая дорога к дому. – Детей своих не было. Вот и вились родственники над ее богатством, как мухи, пардон, над кучей дерьма. Кто-то был избалован, кто-то обижен. Сейчас проверяем алиби всех. Досконально. Поминутно.

Они подошли к дому. Илья сходил к машине и достал оттуда забытую баклажку с водой. Оля терпеливо ждала у подъезда.

– Илюша, а ведь наверняка и мужчины за ней ухаживали? – тут же снова пристала она, стоило им в лифт войти.

– Да, а как же без мужчин?

Он с улыбкой дотянулся до прядей, что вечно выскальзывали из ее косы. Заправил их ей за уши. Тут же снова вспомнил, что они сегодня дома одни. И могут, без опасения быть застигнутыми, прямо с порога отправиться в постель. Дети у бабушки с дедушкой. Ура-а!

– И что мужчина? У него мотив был?

– Мужчина оказался на редкость обеспеченным, – неожиданно скис Илья, вспомнив их встречу. – И показался очень расстроенным.

Это было явное преуменьшение. Станислав Никулин, примчавшийся после телефонного звонка к моргу, был подавлен до такой степени, что ему даже понадобилась помощь врача. Побледнел. По стенке сполз на землю. Это когда уже из морга вышел. Пришлось ватку с нашатырем использовать, иначе никак не желал подниматься на ноги Никулин.

Конечно, конечно, никакой необходимости в его приезде не было. Процедура опознания прошла еще в квартире погибшей. Родственники все нужные бумаги подписали. Но больно хотелось Илье на Станислава посмотреть в тот самый момент, когда открывали лицо покойной. На его реакцию взглянуть. Определить степень волнения.

Никулин сдал зачет на «отлично». И упрекнуть его в том, что он переигрывал, было невозможно. Подоспевший терапевт определил у безутешного любовника Зои Григорьевны страшную тахикардию.

– Как же так! Как же так, Зоя?! – стонал и метался он потом по больничной кушетке, когда ему делали кардиограмму. – Мы же на отдых собрались. Еще даже точное место не выбрали. Все шутили, дурачились...

Представить серьезную Зою Григорьевну дурачащейся Илье было сложно. Родня в один голос называла ее внешне холодной и надменной. В душе, мол, была добра и отзывчива, но тоже не для всех. Но внешне...

– И вдруг – дурачились! – фыркал недоверчиво Илья спустя полтора часа, когда они с Ольгой из кровати перебрались на кухню чаю попить. – Как-то не вяжется.

– Думаешь, это он ее?

Ольга подозрительно шурила прекрасные голубые глаза. Куталась в клетчатый плед, накинутый на голое тело. Осторожно тянула из чашки огненный чай. И...

И казалась ему в этот самый момент самой прекрасной, самой сексуальной женщиной в мире. Пусть она считает, что у нее десять лишних кило веса. Пусть морщинки все новые находит вокруг глаз и рта. И уставшей бывает, и ворчливой. Он обожал ее!

– У него алиби, – ответил Илья кратко. – Соседи видели свет в его окнах весь вечер.

– Но если он такой обеспеченный, то мог и нанять кого-то.

– Зачем? – Илья с грохотом поставил чашку с чаем на стол. – Зачем ему ее смерть? Деньги она хранила в банке. Крупные суммы. Сейф оказался не вскрыт.

– А что в сейфе?

Оля склонилась над столом. Плед сполз с ее плеч. И он засмотрелся. Как в юности!

– В сейфе... – пожал плечами Илья. – Деньги, украшения. Бумаги на квартиру, дом, еще какую-то недвижимость. Я пока не добрался до этих объектов. Руки не дошли. Но... Она была весьма обеспеченной вдовой, малыш.

– Да-а! – протянула жена со странным выражением лица.

– Что? – не понял он ее загадки.

– Думаешь, что все так банально? Что родня, устав ждать ее кончины, взяла и пришибла ее? Ой, Илюша... Что-то подсказывает мне, не таким простым будет это дело.

– Откуда такие мысли, дуреха? – Илья встал и потянул ее за руку со стула. – Нам пора вернуться в спальню, детка.

– Опять? – в ненатуральном испуге округлила она глаза. – Мы же только оттуда.

– Надо пользоваться моментом. Вдруг пацанам надоест на даче и они решат вернуться уже завтра?..

Он засыпал счастливым человеком. И мысли, провожающие его в сон, были легкими, простыми.

У него все сложилось в этой жизни. Все правильно и почти безупречно. Умная, красивая жена. Послушные здоровые дети. На службе все хорошо. Некоторые коллеги считали его жизнь почти уникальной. Все уже успели по разу, а то и по два развестись. Жены не выдерживали – сбегали от вечной занятости мужей, от их подозрительности и искаженного, как они считали, мировосприятия.

Оля его была другой. Терпеливой и понимающей. Любящей опять же. И это главное. И он не срывал себя дома. Не тащил все сюда. И рта бы никогда не открывал и не рассказывал ничего, если бы не любопытство жены.

Он вдруг вспомнил, как она удивленно воскликнула в кафе. И сам немного запоздало удивился, прошептал:

– Действительно, а зачем повесили?..

Сергея Носов лишь равнодушно пожал плечами, на секунду оторвав взгляд от монитора. Потом подумал минуты две-три и меланхолично протянул:

– Кто же их разберет, душегубов этих, товарищ майор? Что ими движет? Чего они добиваются? То ли паника на это натолкнула. То ли хотел, чтобы наверняка.

– В смысле? – удивленно глянул на коллегу Илья.

– Ну... Боялся, что шею сломал не на смерть. И решил закрепить успех.

– Мысль... – Илья пощелкал авторучкой. – Мысль, капитан, не лишенная логики.

– Есть еще одна мысль, товарищ майор. – Сергей выглянул из-за монитора и задуманным голосом просипел: – Это особенный почерк серийника!

– Да иди ты! – Илья скатал лист бумаги в шарик и запустил им в Носова. – Шутник!

– А я не шучу, Илюша. – Носов сделался серьезен. – Помнишь, четыре года назад в области один идиот крошил пожилых мужиков?

– Смутно, – не стал врать Илья. – Где мы, а где область!

– Так вот он там выбирал весьма странный способ избавления от человеческого, как он выражался, утиля. Он их...

И Носов во всех подробностях принялся цитировать заключения патологоанатома.

– Всегда одно и то же. Без отклонений, без исключений из правил. Четко, как на разделке в рыночном мясном ряду.

– О господи! Вот что ты начинаешь, а? – Илья бросил на коллегу скучный взгляд и тут же перевел его за окно. – Погоды какие прекрасные ныне стоят. Мечту лелею в выходные за город выехать. Пацанов навестить. А ты мне каких-то «серийников» подкидываешь.

– Не я, Илюша, не я. – Сергей приложил растопыренную ладонь к груди. – Жизнь диктует: не делать преждевременных выводов. Поскольку наши с тобой первоначальные терпят крах.

– В смысле? – округлил глаза Илья.

– В том самом, что у всех потенциальных подозреваемых есть алиби. Хотя на прочность мы их пока не очень проверили.

– А что ты подразумеваешь, коллега, под словоблудием: не проверили на прочность?

Илья хотел было, как в прежние времена, закинуть ноги на стол. Тем более что ворваться в кабинет сейчас было некому. Но, черт бы все побрал, у него не вышло. Из-за поплывшего

живота, кто бы подумал! Совсем зажирел! Случись, догонять злоумышленника, он не справится! Он сдохнет на первой стометровке. Срочно нужно записаться в спортзал. Или Олю попросить, чтобы она это сделала. Или...

Кого он обманывает? Оля уже дважды покупала ему абонемент. И оба раза тот оказался не востребованным. То времени не было. То сил. То он считал, что лучше с пацанами мяч погоняет на детской площадке, чем на беговой дорожке в зале станет надрываться.

Совсем не есть ничего? Тоже не вариант. Башка варить перестанет. А его мозги начальством ценились.

– Дома, Илюша, – многозначительно глянул Серега на его соскользнувшие с края стола ноги. – Дома надо качаться. На зал и у меня времени нет. Но утром встаю на десять минут раньше. Сначала на турник. Потом отжимаюсь. И в душ. Почти ледяной принимаю.

– Ты по жизни жердь, – мрачно отозвался Илья, разворачиваясь в кресле и пряча живот за столом.

– Не-ет, Илюша. Не так. Все не так. Я школу заканчивал, во мне под сотню кг было. В мою сторону ни одна девушка не смотрела. А теперь...

– А теперь ты вешишь девяносто восемь кг, и девушки если и смотрят, то недолго. – Илья показал ему средний палец.

– Девяносто один, между прочим. И каких! – Серега тут же принялся демонстрировать крепкие мышцы, сжимая кулаки и подтягивая их к плечам. – А девушкам просто не нравится, что я постоянно занят. Кто будет терпеть, когда свидания без конца срываются?

– Только жена, – вставил Илья, открывая в компьютере сводку происшествий за сутки.

– И то не каждая, – не без зависти глянул в его сторону Носов. – Вот твоя Ольга...

– Так что там с проверкой алиби, капитан? – перебил его Илья.

Трепать имя жены в рабочем кабинете он не любил. Считал это для нее обидным.

– Вечером в день убийства отключали свет по всему микрорайону. И камеры видеонаблюдения, соответственно, не работали.

– Во сколько отключали?

– С десяти вечера. И до половины второго.

– Как удобно! – воскликнул Илья, уставив на Серегу немигающий взгляд. – Как раз уложились в этот временной коридор. Но... Но кто мог знать, что света не будет? Только сотрудники электросетей. Запиши: проверить звонки диспетчерам: кто звонил и интересовался, как надолго отключили свет.

Серега только глаза закатил, представляя масштаб работы.

– И еще. – Илья потряс в воздухе пустыми протоколами допросов. – Труп с насильственной смертью имеется, а показания отсутствуют. Пора бы уже нам с тобой кого-то серьезно допросить.

Глава 4

Всю свою жизнь, а прожил он немало, Игорь Семенович Ляпов занимался камнями. Не теми, которыми тротуары мостят или из которых дома строят. А теми, что сверкают в обрамлении благородных металлов на шеях прелестниц – так он любил называть женщин. Или в мочках их ушей.

Он был ювелиром. С юности. Выучился этому прибыльному делу в тюрьме, куда угодил по малолетке за грабеж с отягчающими. Соседом по нарам был сынок знаменитого ювелира, тоже сотворивший что-то такое страшное, что именитый папа не сумел его от тюрьмы отмазать. Или не захотел. Может, решил, что когда сынок на нарах, ему так спокойнее. Потому что сынок, по слухам, принялся фамильное ремесло осваивать и у папы камни и металл подворовывать.

Так вот о чем это он...

Игорь Семенович на мгновение оторвался от созерцания подпорченного зимними заморозками газона. Перевел взгляд на настенные часы – громоздкие, с мощным маятником и громогласным боем. Он уже час сидит и смотрит на улицу? Час времени потерял, вспоминая свою жизнь? Непозволительная роскошь, если учесть, сколько ему осталось. Врачи неделю назад очертили ему рубеж в полтора года. Но он чувствовал, что уйдет раньше. Не осталось вовсе ни сил, ни желания. Болезнь изъела его тело, лишила его пальцы ловкости. Он почти не мог больше заниматься любимым делом. А без этого какая жизнь!

– Гоша... – позвал его тихий, почти бестелесный голос от двери. – Может, покушаешь?

Это была Нюша. Его любимая Нюша – верная спутница на протяжении последних тридцати лет. Начинала в его доме прислужкой, доросла до жены. Нет, официально они так отношения и не оформили. Но всем он ее представлял как свою жену. И называл ее супругой. Не иначе.

Узнав о его болезни, Нюша проплакала три дня. Потом сказала, что на этом свете не задержится и уйдет следом за ним.

– Ты же здорова, милая, – смотрел он на нее с нежностью. – И молодая еще. Тебе еще жить и жить!

Нюше было сорок шесть. Подобрал он ее тридцать лет назад на вокзальной платформе, куда она прибыла с котомкой нехитрых пожиток и справкой об освобождении. Отсидела десять месяцев за нанесение тяжких телесных повреждений своему отчиму, вознамерившемуся залезть к ней в трусики. Отчим заявление на нее писать отказался. Но его сломанные ребра, перебитый нос и откушенное ухо судьи сочли превышением мер самообороны. И Нюшу осудили. Возвращаться домой после наказания ей мать запретила. Вот и прибыла она в столицу в поисках лучшей доли. А тут он – только из электрички вышел.

Ездил землю себе присматривать для строительства собственного дома. Участок подобрал, предварительно оформил в местном поселковом управлении, предоплату внес. Шел по перрону счастливый, молодой, сильный. И едва не наступил на девчонку, сидевшую на корточках. У нее ремешок от туфли оборвался, она присела его поправить. Она глаза вскинула: злые, красивые. И он пропал.

Присел рядом. Помог ремешок починить. Разговорил ее. Сразу же понял, что с ней что-то не так. По вещам, по взгляду, по тому, как она настороженно озирается. Спросил о планах. Их не было. И пригласил к себе в дом помогать по хозяйству.

Дома на тот момент, правда, еще не было. Была квартира на окраине. Но большая, просторная, требующая ухода. И работал он много. Иногда по двадцать часов от стола не отходил, когда заказ важный выполнял. Помощник ему был точно нужен. Эту неприкаемую девчонку судьба ему и вручила.

Аня, Анечка, Нюша...

Ему тридцать шесть, ей шестнадцать. У них сразу закрутилось. Но Игорь держал ее все время на расстоянии. И, переспав с ней на ее койке, сразу уходил в свою комнату. Это потом уже, когда Ньюша верность свою доказала, он начал называть ее супругой – и никак иначе. И даже позволил в его спальню перебраться.

– А что у нас есть покушать, Ньюшенька? – Он тепло улыбнулся своей гражданской супруге, застывшей в дверях террасы.

– Твои любимые биточки с капустой. – Она смотрела устало, грустно. – Кисель овсяный. Полезная штука, Гоша.

– Хорошо. Давай покушаем. Только вместе. И на улице. Идет?

Лишь на мгновение скользнуло по ее лицу недовольство. И он его понимал прекрасно: таскаться с тарелками с кухни на улицу, а потом обратно. От порога задней кухонной двери до беседки, где он пожелал позавтракать, метров пятнадцать. Не абы что, но все же расстояние. Ньюша тоже уже не девочка, сорок шесть ей. И рядом с ним ей если и не сложно, то и нелегко. Он брюзга, любит ругаться матом, неаккуратен в быту. Теперь вот еще и болен. И доходы упали.

Ничего, не надорвется. Мстительная мыслишка неожиданно ему понравилась, и он планов – позавтракать на улице – не отменил.

Перебравшись в беседку, сел лицом к дому и принялся внимательно наблюдать за Ньюшей, толкающей столик на колесах по газону. Губы плотно сжаты, движения скованны. Взгляд не отрывается от тарелок, норовящих соскользнуть с узкой столешницы. Чего он, правда, блажит? Поел бы в кухне. А тут потом посидел, соловьев послушал. Не надо ее так напрягать и нервировать. Ей ему еще глаза закрывать.

– Посиди со мной, милая, – попросил Игорь Семенович.

Ньюша только-только переставила тарелки со столика на колесах на круглый стол, диаметром в полтора метра, выполненный из натурального камня.

– Некогда мне, Гоша. Уборку еще не начинала. А дом велик. Целый день провожусь. Ты покушай, потом позови, я уберу.

Не дав ему возразить, она быстро ушла. Глядя ей вслед на ее тонкую, не потревоженную ни одной беременностью, талию, Игорь Семенович впервые подумал, что Ньюша его еще очень-очень молода. И не только в сравнении с ним. А вообще...

Что это за возраст для женщины – сорок шесть лет? Вообще не годы. Ноги, бедра, шея – все в полном порядке, без жира и складок. И Веня Стропов, пару дней назад наведавшийся к нему по делам, очень сальными глазами смотрел в вырез ее кофточки. Глубокий вырез, грудь было видно почти до половины.

Он вдруг почувствовал что-то вроде укола ревности. Покатал в голове это неприятное чувство и еле сдержал себя, чтобы не рассмеяться. Ему сколько? Семьдесят шесть? А осталось сколько? И ревновать сейчас Ньюшу к кому бы то ни было – не просто глупо, а идиотически неверно.

– Ньюша! – громко крикнул ей вслед Игорь.

– Да, милый.

Она резко обернулась, рассеянно глянула. Руки привычно спрятаны под передником. Ноги в домашних матерчатых туфлях нетерпеливо переминаются. Как у молодой кобылки, подумал он тут же. Ей бы гарцевать да гарцевать, а она свою молодость на него – старика – убила.

– Я люблю тебя! – крикнул он ей. – Ты самое лучшее, что случилось в моей жизни.

И про себя добавил: после камней...

Она коротко улыбнулась и ушла в дом. Он взял в руки вилку и нож.

Еда была пресной, потому что готовилась совсем без соли и специй. Таковы были требования врачей. Кое-как проглотив биточки и запив их мутным киселем, он с облегчением

отодвинулся от стола и поморщился. Ел только, чтобы Ньюшу не обидеть. То, что в последнее время для него готовилось, невозможно было есть. Силос! Отравя!

Телефон в кармане его старой бархатной куртки запел дурашливую блатную песню. Веня звонил. Стропов.

– Привет, старина, – поприветствовал его Веня.

– Здравствуй, дорогой. Ну так что? Жду, жду тебя, а ты...

– Гоша, пока все отменяется, – нехотя признался Веня и принялся расстроено вздыхать.

– Что так?

Игорь Семенович выудил из подставки зубочистку и воткнул ее в рот. Невзирая на тюрьму, возраст и болезни, зубы он сохранил.

– Кое-что не сложилось.

– Ты говори, говори. Я, вообще-то, дела отложил. Жду тебя с заказом, – соврал Игорь Семенович, ухмыляясь. – А тебя все нет и нет.

– Не знаю, что с этим заказом делать, Гоша. Если только ты не согласишься все это дело сотворить по эскизам.

– По эскизам... Гм-м...

Он закашлялся, но не со значением, а потому что чуть зубочистку не вдохнул в себя.

– Знаю, Гоша, что ты сейчас скажешь, – повысил голос Стропов. – Что тебе нужен оригинал, что тебе надо знать каждый скол, каждую грань, каждый изъём в креплении, чтобы сделать точную копию, но...

Веня снова принялся вздыхать часто и горестно. И лопотать что-то нечленораздельное. «Матерится», – понял Игорь Семенович.

– Дело в том, что оригинала пока нет, – признался он между вздохами.

– Как это? – изумленно воскликнул старый ювелир. – Ты же сказал, что железно...

– Как видишь, нет. Ушел оригинал. Увели из-под носа, буквально.

– У тебя?! Не поверю! – польстил старику Игорь Семенович. – Ты же ас, Веня! И если ты что-то взял в руки, то уже не выпустишь.

– Да вот все и дело-то в том, что не держал я этого в руках. Точнее, не я держал. Один коллега из наших.

Игорь Семенович удовлетворенно улыбался, он уже знал, о ком речь.

– И как так вышло, что из наших и... – Он поискал колоритное слово, но приемлемого не нашел и сказал как есть: – И просрал!

– Именно то, что ты сказал, Гоша. Не знаю, можно ли по телефону, но... Что тут, собственно, такого-то! – коротко посомневался Веня и продолжил: – Коллега обхаживал хозяйку, должен был вот-вот дойти до главного, а она возьми и того: сыграй в ящик.

– Болела?

– Если бы! – фыркнул Веня. – Как лошадь была здорова! Помогли ей...

– Не коллега? – уточнил Игорь, уже откровенно посмеиваясь.

Он потянулся за следующей зубочисткой. Выбрался из обеденного кресла – удобного, с мягкими подлокотниками, чуть выше стандартной допустимости, выполненного специально по его заказу. И, минуя дорожки, выложенные плиткой, медленно пошел прямо по газону.

Молодая поросль с трудом пробивалась сквозь прошлогоднюю высохшую траву, покрывшую газон коричневыми струпьями. А обещали круглогодичную зелень, суки! Убеждали, что и под снегом трава будет зеленеть. Никому нельзя верить! Никому!

Вене, что врет напропалую, нельзя верить. Тому, кто постучал в его калитку вчера поздним вечером, нельзя верить. И Ньюше, пожалуй, тоже. Слишком пасмурной она стала казаться ему в последние дни. Часто возражает. Мало на него смотрит. Почти не советуется. Уже похоронила? Заживо?

– Все суки... – прошипел он злобно.

– Что? Не понял, Гоша?

Веня пыхтел, как паровоз. То ли шел куда-то торопливо. То ли грядки полол. Кто-то шептался, что Стропов любил в земле покопаться с рассадой. Сам он этот факт категорически отрицал. Считал несолидным.

– Кто же помог ей, Веня? Кто тебя обошел? – напрямую спросил он.

Дошел до ворот, шагнул за калитку, проверил почтовый ящик. Давно уже никто не писал ему и посылок не слал. А он все по привычке почти каждый день в ящик лазил.

– Пока не знаю, – после паузы недовольно отозвался Веня. – Но выясню непременно. И раньше ментов.

– Ну да. Это в твоих интересах. Если они опередят, то... Сам знаешь. Уйдет вещьца.

– Не опередят, – скрипнул вставными зубами Веня.

Все знали, что у него с юности был полный рот вставных зубов. Не вынес нежный организм тюрьмы. Подвело хлипкое здоровье.

Он еще что-то говорил, говорил без конца. Игорь Семенович счел все его слова буквенным набором, не более. Веня всегда, когда сильно нервничал, нес пургу. Но рациональное зерно все равно со временем выстреливало ростками. Жаль, не всегда и не всем это бывало понятно.

Но он всегда читал Веню, видел его насквозь. Вот и сейчас старый ювелир уловил подтекст.

Веня и его люди землю носом взроют, но отыщут вещьцу. И тому, кто Веню обошел, сильно не поздоровится. В лучшем случае позволят умереть, перед тем как быть закопанным. А может быть и иначе.

Ледяной сквозняк, странно для начала июня, дунувший Игорю Семеновичу в поясницу, заставил его поежиться. И опасно оглянуться.

Нет. Никого за спиной. Пустая улица с ровными рядами одинаковых изгородей. Ни одной машины. Ни единого человечка. Он вернулся за забор и запер высокую глухую калитку. И сразу пошел к дому. Тихо вошел, замер на пороге и тут же услышал, как Нюша с кем-то говорит по телефону. И не просто говорит, а смеется! Скорее, глупо хихикает. Жеманится!

Стиснув зубы, он тихо пошел к гостиной, откуда слышался ее голос.

Нюша стояла к нему спиной и медленно водила специальной салфеткой по стеклам высокого шкафа с посудой. Делала вид, что уборкой занимается. Да-а, упустил он ее. За деревьями леса не увидел. А она, видимо, уже давно с кем-то крутит. С подружкой не станет так сюсюкать.

Игорь Семенович постоял еще минуту. Услышал все, что хотел. И так же тихо вышел из гостиной. В кухню направился. Глянул на грязную посуду после своего завтрака. Эта сучка даже не удосужилась тарелки с банкетного столика в раковину переложить. Так и стоят все, засыхают.

Ну, он ей!..

Он ей устроит! Хотел по-человечески с ней поступить. Оставить все ей после своего ухода. Но, видимо, придется сына одарить. Ему все отписывать.

Объявился тут, понимаешь, пару лет назад сынок незаконнорожденный. Вошел в ворота. Попросился в дом для разговора. И объявил:

– Я ваш сын, Игорь Семенович.

И обстоятельства напомнил, при которых его зачатие свершилось. Это еще до Нюши было. В какой-то глухомани, куда Игорь Семенович ездил по делам бизнеса. Он не поверил, конечно же. Тут же поволок малого в клинику, анализ ДНК делать. Подтвердилось! Парень был его сыном по крови.

– Самозванец, – скрипела зубами Нюша, купая Игоря тем же вечером. – Владик! Что за Владик? Откуда взялся? Чего так долго ждал?

Сам Владик объяснил это собственной гордостью, не позволявшей ему к отцу явиться и помощи попросить. И мать не велела. Но как ее не стало, он все распродал и приехал в столицу.

– К вам, – сиял сынок лучезарным взглядом, странно кого-то Игорю Семеновичу напоминающим. – Помогите подняться. Хотя бы в первое время. Потом я сам.

Средствами он его не снабдил, конечно же, но с работой помог. Пристроил к хорошим людям. Те пока не плевались. Но особо и не хвалили.

«Все ровно, Игорь Семенович», – слышал он постоянно в ответ на свои вопросы.

Когда сын узнал о его болезни, сразу навестил. И морду печальную корчил, и даже пытался слезу пускать. Но старый ювелир ничего, кроме фальши, в этом не рассмотрел. И попросил парня больше не приезжать.

– Встретимся на моих похоронах, – мрачно пошутил он тогда, провожая сына до ворот. – Нищим не оставлю, не дрейфь.

– Да при чем тут это?! – возмутился Владик вполне искренне. – Я на самом деле один на свете останусь! Это мрачно! Пусть мы и не видимся почти, но... Но знать, что у тебя где-то есть отец, уже неплохо. Тем более отец, который хоть и издалека, но тебя контролирует.

И он хорошо, по-доброму улыбнулся ему. И Игорь Семенович, не хотел, да разрешил ему пожить в своей квартире на окраине. Чего пустует? Не квартирантов же в свое жилище пускать! Это он считал осквернением.

– Пусть живет, – повысил он голос на Нюшу, когда та попыталась возразить. – Не твое дело!

И вот теперь он понял, что поступил так не зря. Родная кровь – это всегда родная кровь. А Нюша, как была сухой безродной, так ею и осталась.

Как она там называла своего ухажера в телефонном разговоре? Зая? Ну, он ей покажет Зая! Он ей такого Зая покажет!

Никулин заперся в кабинете. На осторожный Нюшин стук в дверь прокричал, что занят. И тут же набрал номер сына. Телефон уже был у него в руке.

– Да, пап, что-то случилось? – отозвался он тут же.

И Игорь Семенович неожиданно ощутил теплую волну в области сердца. Непривычно было слышать это вот «пап». Непривычно и приятно.

– Ты мне нужен, – коротко ответил на его вопрос ювелир. – Через час подъеду к твоей работе. Выйди...

Глава 5

Сведения, ради которых он сейчас ехал за сто пятьдесят километров от Москвы, нарыла в интернете, стыдно признаться, его Ольга.

– Илюша, ты только не ругайся, хорошо? – встала она вчера вечером перед ним с распахнутым ноутбуком в руках.

– Что еще?

Он только разворочал котлету с грибной начинкой, которую Оля смешно именовала «зраза». Только сглотнул слюну и подхватил кусок с тарелки, как – вот она – явилась. Глаза виноватые, губы подрагивают.

– Я по поводу вашей генеральской вдовы... Тут такое пишут! – закатила она глаза, ногой отодвинула кухонный стул, села напротив. – Сплетни всякие про ее мужа.

– Ключевое слово – сплетни, Оля. Не трать свое и мое время на этих «писак». Ради рейтинга они мать родную оболгут.

Илья проглотил кусок котлеты со смешным названием «зраза». Следом второй. Подобрал с тарелки лук с грибами. Было вкусно. Он похвалил.

– Спасибо, милый. – Жена довольно улыбнулась. – Но я сейчас не об этом.

– Не о котлетах? Не о грибах? – попытался он свести все в шутку.

– Не о сплетнях. – Оля поставила на стол ноутбук, ткнула пальцем в клавиатуру. – А о том, что я нашла похожее преступление.

– В каком смысле? – прищурился Илья. – Капитан Носов клялся на крови, что ничего подобного за последние пять лет в сводках не нашел.

– Может, в сводках и не было. То есть было. Как же иначе! – Ее пальцы порхали над клавиатурой. – Но несколько в другой интерпретации. Двойное самоубийство. Такими были заголовки в интернете, когда все это произошло.

– А потом какие заголовки?

Илья встал, дошел до плиты и снял крышку со сковороды. В ней тремя рядами теснились котлеты со смешным именем. Он положил еще парочку. Вернулся к столу.

– А потом! – Оля глянула на него поверх крышки ноутбука. – Потом начали писать, что мать сначала в пылу ссоры убила дочь и, чтобы скрыть следы преступления, повесила ее.

– Упс! – просипел Илья с набитым ртом. – Ничего себе, заголовочки.

– И это еще не все. Потом она будто бы раскаялась и повесилась сама.

– Да ладно! – Илья замер, потом проткнул вилкой воздух в сторону ее компьютера. – Это так там писали?

– Ага, ага. – Она часто закивала. Тут же подергала левым плечом. – Не дословно, конечно. Но смысл такой.

– А источник?

– Из правоохранительных органов. И опровержения я не нашла.

Она встала и прошлась по кухне туда-сюда. Трикотажные широкие шортики гуляли вокруг ее стройных ног. И Илья, убей, не находил там и ста граммов какого-то жира, что каждый раз попадался Ольге на глаза, стоило ей замереть у зеркала.

– Не сейчас, Илюша, – погрозила она ему пальцем, поймав его взгляд. – Дело очень странное с этим убийством и самоубийством. И немного на ваше похоже.

– Немного? – Он покосился на жену. – Это вообще другая тема, Оль. Как она ее убила?

– Мать – дочь? – уточнила она. Дождалась, когда муж кивнет. – Она избивала ее, а потом... Внимание! А потом она сломала ей шею!

– Охренеть...

Илья отодвинул тарелку с недоеденной зразой. Надолго задумался.

– Когда и где? – только и спросил он.

И когда Оля попыталась развернуть к нему ноутбук, протестующе задрал руки.

– Избавь меня от писанины этих блогеров! Просто скажи.

– Случилось это в области. За неделю до майских праздников. Мать с дочерью жили в частном секторе. Богато или бедно – не знаю. Чем занимались – тоже не нашла. Но ведь похоже, Илюша, разве нет?

– Разберемся, – произнес он неприятным скрипучим голосом, больше адресованным капитану, пропустившему информацию...

Носов всячески пытался поехать вместе с ним. Илья был непреклонен:

– Ты едешь в электросети, обслуживающие нужный нам микрорайон. Опрашиваешь персонал. Берешь распечатку входящих. Фильтруешь звонки диспетчеру в вечер отключения электроэнергии. И вечером докладываешь обо всех сомнительных интересующихся.

– Илья, но это работы на неделю!

Носов крутил головой и возмущенно фыркал. Ему очень не хотелось после электросетей зависать в отделе. Он бы с большей радостью поехал в область. Тем более что тем коллегой в районном отделе полиции, к кому отправлялся Илья, была девушка. По слухам, не замужняя. И по тем же слухам – очень симпатичная. Он мог бы с ней познакомиться чуть ближе, чем требует дело. И пригласил бы в ближайший выходной в ночной клуб. Ему бывший фигурант как раз подогнал два флаера на скидку в тридцать процентов на алкоголь. Он мог бы их использовать с пользой. А вместо этого...

А вместо этого ему придется общаться с хмурыми монтерами электросетей. И диспетчером, которая, судя по телефонному разговору, была пожилой и сердитой женщиной.

– Илюха, ну, может, я поеду? – все еще ныл на парковке Носов, ступая за майором след в след.

– Электросети, капитан. И принеси мне результат...

Районный отдел полиции в райцентре встретил Илью бдительным дежурным и пустыми коридорами.

– Я же сказал, что сейчас обеденный перерыв. Не поверили, товарищ майор, – кисло улыбнулся Илье молодой лейтенант, до этого долго изучавший его удостоверение.

– А где обедают?

– А кто где! В основном дома. Райцентр не Москва. Тут все рядом.

– А капитан Горохова?

– Валя Горохова? Она у мамы обедает. Это через дорогу в столовке. Она у нее там кассиром. Она, кстати, только зашла туда. Это минут тридцать, сорок. Она не торопится оттуда.

– Как она выглядит, эта ваша Горохова?

– Симпатично! – широко заулыбался лейтенант.

– А серьезно? – не повелся на его веселье Илья. – По форме или по гражданке?

– По гражданке, – сразу понял дежурный, о чем речь. – Вся в черном. Брюки, рубашка. Волосы короткие, светлые. Высокая, фигура зачетная.

– Понял, – буркнул Илья.

И пошел через дорогу в столовую номер сорок, на поиски Гороховой, которая вся в черном.

Он нашел ее без труда, хотя столик, который она занимала, и прятался за колонной. Худощавая высокая девушка с короткой стрижкой на пушистых светлых волосах оказалась не просто симпатичной. Она была невероятно красивой. Илья даже Сереге посочувствовал. Пролетел конкретно капитан.

Он остановился возле столика, молча показал свое удостоверение. Она молча кивнула на стул напротив и продолжила есть свой суп.

– Ничего не закажете? – поинтересовалась Валя, приступая к тушеной картошке с печенью. – На название заведения не ведитесь. Кормят тут отменно. Как в ресторане.

Он отказался. И попросил разрешения начать разговор, пока она обедает.

– Без проблем. Сэкономим время, – покивала Горохова, приводя в движение светлые волосы. – Первый вопрос от меня, товарищ майор...

– Можно просто – Илья.

– Ок... – Ее волосы снова станцевали немислимый танец коротких прядей. – Илья, что за интерес к этой бытовой разборке? Мы уже дело закрыли за отсутствием состава преступления. Все же ясно. И вдруг вы!

В ее голосе не было недовольства, только интерес.

– На днях на нашей земле произошло нечто похожее. Не старой еще женщине сначала сломали шею, а потом повесили ее. У всех фигурантов, у которых был какой-то мотив, алиби.

– Инсценировали самоубийство? Зачем? Как вы узнали, что ее сначала убили? Шея нередко ломается при таком способе самоубийства.

Ее карие глаза зажглись неподдельным интересом. Илье такой подход нравился.

– Вышел казус. В момент убийства отключили свет по всему микрорайону. И повесили женщину лишь спустя пару часов.

– А, дайте угадаю! – Капитан Горохова откинулась на спинку столовского стула, звонко шлепнув ладонями по краю стола. – От петли не осталось должных синяков?

– Да. А вы молодец, Валентина, – невольно похвалил он.

– Служу России! – без пафоса, с искренним чувством произнесла девушка. – Подозреваемые?

– Все, у кого мотив, имеют алиби.

– Чушь. Если есть серьезный мотив, алиби состряпать можно. Мотив серьезный? Деньги?

– Много денег! И отменное здоровье у жертвы.

– Фу-у, как скучно, – протянула она, сморщив забавную рожицу. – Родня. Либо любовник. Их надо проверять.

– Проверяем.

– Понятно... – Она отодвинула от себя пустые тарелки, взяла стакан с компотом. – Но у нас ничего такого нет, Илья. Ни здоровья, ни денег. Семейка та еще была. Мать запойная. Дочка не отставала. Разница в возрасте у них была небольшая. Мамаша родила, когда ей не было еще и шестнадцати. Поэтому они были как подруги. Вместе пили, вместе мужиков водили. Иногда одним делились друг с другом. Полный отстой, майор. Но в тот день гостей у них не было. И денег на выпивку тоже. И поэтому почти с полудня они принялись скандалить. А поскольку делали они это очень часто и с упоением, то внимания на шум из их халупы никто не обратил. Орут и орут себе. Лишь бы на улицу не выползали. Людей и детей не пугали. Иногда ведь голышом выскакивали!

Ее карие глаза округлились, по губам скользнула брезгливая ухмылка.

– Что было после скандала?

– Со слов соседей, в какой-то момент они орать перестали. И потом завывала мать. Долго выла, протяжно. А потом и она замолчала.

– Кто их обнаружил?

– Участковый. Соседи все же написали жалобу. Вроде как в тот раз крики и вой были просто невыносимыми. И на звонки они не отвечали, когда соседи пытались им позвонить и утихомирить. Их порог никто не осмелился переступить.

– У них были телефоны?

– Один. У дочери. Номер у соседей имелся. Она все хвасталась покупкой и номер всем раздавала. – Горохова поставила пустой стакан на стол, резко встала. – Идемте на улицу, товарищ майор?

Илья пошел за ней следом, поражаясь стремительности ее походки. Он с его лишними килограммами за ней еле поспевал.

– Жарко, – с неожиданным сожалением проговорила Горохова, останавливаясь на ступеньках сороковой столовой.

– Тепло, хорошо, – тут же возразил он.

И они неожиданно рассмеялись.

– У вас, случайно, вакансий нет, товарищ майор? Я здесь просто тухну! – Ее темные глаза сделались печальными. – Ни одного стоящего дела.

– Вернемся к нашим жертвам.

Ее вопрос он пропустил мимо ушей. Вакансия была. Как раз месяц назад одна из сотрудниц отдела вышла замуж и уехала с мужем по месту его проживания. Но брать к себе в отдел девушку, да еще такую красивую, это еще минус одна единица. Разве Носов рядом с ней сможет о чем-то думать?

– Участковый обнаружил их на следующий день? Или спустя время?

– На следующий. Зашел в дом, они никогда не запирались. А они висят. Все вокруг вверх дном. Вещи в крови. Видимо, дочь вытирала лицо, когда мать ее била.

– Мать записку оставила?

– Да, – разочаровала его Горохова. – Корявым почерком нацарапала, что не сможет жить после того, что сотворила со своим ребенком. Почти дословно, майор.

– Валя, ты сказала, что дела не было, как же так?

– Немного не корректно сказала, извини, Илья. – Она лучезарно улыбнулась. – Конечно, было заведено дело. Два трупа – не шутка. Но до суда не дошло в связи со смертью подозреваемой. А так, и свидетели опрашивались. И алиби дочери проверялось.

– Постой, какой дочери?

– У дочери, которую повесили, была и своя дочь. Только она с ней не жила. С раннего возраста воспитывалась отцом. И фамилию другую имеет. Наши – Дымовы. А та Соколова.

– Сколько ей лет? Чем занимается? – спрашивал он, скорее, по инерции, прекрасно понимая, что это его никуда не выведет.

– Двадцать пять лет. Окончила школу с золотой медалью. Пошла учиться дальше. Закончила или нет, не знаю. С ней мой коллега говорил. Со своей матерью и бабушкой девушка не общалась. Забыла об их существовании. Конец цитаты...

Они перешли дорогу, остановились возле машины Ильи. Солнце висело в зените и жгло им макушки. Ему не терпелось сесть в машину и включить кондиционер. Рубашка в подмышках промокла. Было неловко перед красивой девушкой.

– Ее данные у вас имеются?

– Данные? – Горохова наморщила лоб, непонимающе глянула на майора. – Нет. Надо дело запрашивать.

– Запросите, капитан. Так, на всякий случай. И я... Я бы хотел переговорить с соседями Дымовых.

– Но зачем? – Морщины на ее лбу стали глубже. – Был проведен опрос и...

– Валя. Хочу все сам. Такой у меня принцип, – перебил он ее. Приглашающим жестом указал на машину. – Не против сопроводить меня на адрес?

Она не была против, но перед ее начальством пришлось объясняться. «Столичных тут не любят», – сделал вывод Илья, когда Горохова вышла к нему с хмурым красным лицом.

– Ехать на окраину. Там у нас неблагополучный район, – пояснила она, усевшись рядом и пристегнувшись ремнем безопасности.

– Соседи Дымовых тоже из таких?

– Нет. Вполне приличные работяги. Но подобных Дымовым там один через три.

Она указала ему, куда ехать, и надолго замолчала, рассеянно рассматривая улицы своего городка.

– У вас были проблемы из-за меня? – спросил он, когда до места оставалось с полкилометра.

– Нет, но... Начальник сразу предупредил, что если расследование по факту гибели Дымовых возобновят, я могу искать себе новую работу. – Она тяжело вздохнула, покосилась на Илью. – И у вас вакансий нет, блин.

И он снова промолчал. Остаток пути они проделали в полной тишине.

Оставив машину на крохотной стоянке возле аптечного киоска, Илья с Гороховой двинулись к дому соседей Дымовых.

– Не пойму, что вы хотите от них услышать? – прошепела Валя, стоило ему нажать на кнопку звонка под пластиковым козырьком. – Всех же опросили...

На звонок к калитке вышли и он и она: супруги пенсионеры, поселившиеся в райцентре не так давно, но и не вчера. С местными дружбу не водили. Не потому, что думали, будто все соседи такие же, как покойные мать и дочь. Просто смолodu не любили в чужие души лезть. А теперь и подавно ни к чему.

Обо всем и этом Илья узнал, медленно прогуливаясь с хозяевами по заросшим густой травой тропинкам в их огороде. Валя осталась сидеть на скамейке под хилым навесом у входа на участок.

– Когда вникли в суть проблемы, я имею в виду соседей Дымовых, – проговорил мужчина в белоснежной майке и широких льняных штанах, старомодных, но крепких, – хотели даже съезжать отсюда. Такое творилось почти каждый день! Вспоминаем с содроганием.

– Да, да. Хотели даже дом продавать, – покивала его жена – полная невысокая шатенка со скучным лицом. Одетая она была так же, как и супруг, только вместо майки на ней была белоснежная футболка почти до колен. – Не было счастья, да несчастье помогло, – добавила она, приставляя ладонь козырьком к бровям и внимательно рассматривая Илью. – А вы ведь не местный. Или новенький?

– Не местный.

– И чего это не местные Дымовыми заинтересовались? Алкаши, они и в Африке – алкаши, – фыркнул мужчина презрительно. – В день смерти орали так, что нам с женой пришлось полицию вызывать.

– Приехали?

Горохова о вызове наряда ничего не сказала, сделал он мысленную пометку.

– Нет. – Супруга пенсионера скорбно поджала губы. – Они из трех раз, что мы их вызывали, хорошо, если однажды приезжали.

– А что хоть орали-то? – вдруг спросил Илья.

– В смысле? – вытаращились на него оба супруга.

– Ну... Если мать была дочь, можно предположить, что она звала на помощь. Или кричала – помогите. Нет, не кричала?

– Да они обе орали, как будто их режут. И обе звали на помощь, – подумав, сказал мужчина.

– Именно на помощь? Не матерились привычно? Не оскорбляли друг друга, как всегда? – задала вопрос Горохова, неожиданно возникнув за его спиной.

– Да. Звали на помощь и орали, что их убивают, – посоветовавшись с женой, ответил мужчина.

– А чего же вы тогда об этом участковому не сообщили, когда он вас опрашивал? – укорила их Валя, обходя Илью стороной и вставая перед супругами. – В протоколе об этом ни слова. Только то, что были слышны крики, маты.

– И это было. А про то, что они именно кричали, Василь Васильевич не спросил. Значит, неинтересно. А нам лезть поперек власти ни к чему. Мы тут люди новые. – Женщина со скучным лицом разволновалась, покраснелась.

– Хорошо, хорошо, вы только не переживайте так. Вас никто ни в чем не обвиняет, – произнес заветные слова майор.

Он прекрасно знал, как они действуют на свидетелей. Кто-то замыкается и принимается размышлять. Кто-то бросается в атаку. Пенсионеры, помолчав недолго, пошли в наступление.

– С какой это стати нам волноваться?! – возмутился он.

– И с какой это стати нас в чем-то обвинять?! – поддакнула она. – Полиция не сделала свое дело, не приехала. А они поубивали друг друга спьяну.

– Они были пьяны? – Илья глянул в карие глаза Гороховой.

– Да. Экспертиза установила, что в среднем по бутылке водки на лицо, – с кивком ответил Валя.

– А где купили в тот день водку? Не узнавали? Кто расплачивался? Кто за водкой ходил?

Ответом было молчание. Ясно, что не узнавал никто о такой ерунде. Трезвыми никто мать и дочь не видел уже давно.

– Кто же их знает-то! Может, гости наливали.

– Гости? Какие гости?

Валя тряхнула головой, волосы взметнулись облаком.

– У них в тот день были гости?

– У них они каждый день были. Такие же алкаши, как и они.

– А именно в тот день? Кто-то был у них?

Супруги задумались, одновременно уставив взгляды на носы своих резиновых тапок. Потом переглянулись, коротко посоветовались. Супруг взял слово.

– В тот день у них был кто-то. Кто – не видели. Картошку сажали за домом. Оттуда вход не виден. – Мужчина сунул руки под мышки, качнулся с носка на пятку. – Но подъехала машина. Может, даже такси. Потому что сразу уехала. Жена еще сказала: доставку водки, что ли, оплатили? Пошутили мы на эту тему.

– Но потом поняли, что это не доставка была. Потому что дверь входная жажнула уже после того, как машина уехала. Кто был – не видели. Ушел когда – не заметили тоже.

– Во сколько это было, примерно? – заинтересовался Илья.

Хотя сам не понимал, куда это его выведет? И какое отношение к убийству генеральской вдовы имеет?

– Примерно... – Взгляды супругов снова пересеклись. – Да за час до того, как они орать принялись. Может, чуть больше или меньше. Но орать они точно начали уже после того, как у них кто-то побывал.

Глава 6

Иван Григорьевич приоткрыл глаза, глянул вокруг себя. Он по-прежнему сидел в старом кресле-качалке, доставшемся ему от родителей. В правой руке очки в тонкой оправе. Левая безвольно лежит на колене. Ноги накрыты плотным клетчатый пледом. Мама утверждала, что этот плед из настоящей исландской шерсти. И что ему сносу не будет. Иван Григорьевич не знал, где сделали это плед, но сносу ему действительно не было. Полвека назад его где-то кто-то купил, и с тех пор он служил сначала его маме, теперь ему. Был теплым, плотным, мягким. И Иван Григорьевич надеялся, что сносу этой вещи не будет до самой его смерти. Которая, он тоже надеялся, наступит не скоро.

Он перевел взгляд на дверной проем, за которым ворочался в кровати его сын. Грустно хмыкнул. Вот кому плевать на все семейные ценности. Выбросит на второй день все старье из квартиры. И его на кладбище оттащит через пару часов после остановки дыхания. Не станет ждать традиционные двое суток.

– Па, ты чего там вздыхаешь так тяжело? Опять себя жалеешь? – вдруг громко спросил Арсений.

– Я думал, ты спишь, – отозвался Иван Григорьевич.

– Поспишь тут! – фыркнул сын. – Ты вздыхаешь, как старая лошадь перед живодерней. Шучу...

Шутил он в последнее время очень грубо. Уже года два-три. И как-то так незаметно из воспитанного, образованного молодого человека, подающего большие надежды, превратился в откровенного хама. Так его называла двоюродная сестра – дочь Зины.

– Это потому, что надежды, которые ты подавал, так и не осуществились, да? – дергала ему нервы Эльза. – Вежливость утратил вместе с надеждами. Как печально!

Арсений тут же отвечал ей грубостью, открыто насмехаясь над ее одиночеством в сорок лет. Эльза взвизгивалась, Арсений не уступал. И их колючие перепалки иногда доходили до того, что они принимались размахивать руками очень близко от физиономий друг друга.

Хорошо, что Зоя ни разу не была свидетелем подобных сцен. Иначе Арсению не перепало бы от нее ни копейки.

– Скажи, что было в той коробке, которую нашла полиция? – первым делом спросил Иван Григорьевич, стоило Арсению выйти из спальни.

– В какой коробке? – вытаращился сын на отца.

– Ты знаешь – в какой. Нам ее показывали.

Иван Григорьевич даже очки нацепил, чтобы уловить тот момент, когда сын примется врать и изворачиваться. Тот не стал ничего такого делать. Хмыкнул и ушел в душ. Пробыл там минут двадцать. Возможно, с кем-то говорил по телефону, Иван Григорьевич слышал его голос. Но мог и сам с собой беседовать. Такое бывало. А вода все это время лилась. Все двадцать минут. О том, что это стоило денег, Арсений даже не задумывался. Создал себе звуковую завесу, считает себя умным.

Из ванной сын сразу прошел в кухню. Загремел сковородками. Через минуту загудела кофемашинка. Ее им Зоя подарила на новоселье. Это когда они из старой хрущевки перебрались к ней поближе. Также не без ее помощи. Сестра провернула какие-то сложные обмены, произвела доплаты, и в результате они из двухкомнатной квартиры с маленькими проходными комнатками переехали в хорошую «трешку». Зоя не давала им денег на ремонт и мебель. Она все сделала сама.

– Вы все равно их потратите и станете жить, Ванечка, в голых неоштукатуренных стенах.

Она была права. Ни он, ни его сын к жизни были совершенно не приспособлены. В этом его и бывшая жена упрекала, но почему-то сына себе не забрала. Оставила с ним.

Пока шел ремонт, Зоя разрешила им пожить на своей даче. Вот где Иван Григорьевич по-настоящему был счастлив. Утро начинал с пешей прогулки. Потом даже пробовал потихоньку бегать. И на беговой дорожке познакомился с прекрасной женщиной. Не юной, нет. Всего лишь на пять лет его моложе. Но очень славным человечком она оказалась. Обо всех людях говорила либо хорошо, либо ничего. Ему это импонировало. И симпатичной была, ухоженной и, невзирая на мелкие морщинки, выглядела очень молодожаво.

После пробежки он готовил им с сыном завтрак из продуктов, которые покупал на местном рынке. Потом занимался запущенным Зоиным садом, начитавшись нужной литературы. И это ему нравилось. Обедал в одиночестве. Арсений к этому времени уже уезжал в город. После трапезы отдыхал. А вечером выходил на прогулку и снова встречался с той же женщиной. Они подолгу стояли у озера, думая однажды устроить тут пикник. А еще мечтали о собаке, которую выгуливали бы сообща.

Иван Григорьевич очень волновался в такие минуты. Приятная женщина с милым именем Тая говорила об одной собаке. Что она подразумевала? Что они станут ее делить на два дома? Или... Или станут жить вместе?

Эти мысли заставляли его мечтать подолгу перед сном. И засыпал он почти счастливым. Почти, потому что Арсения к тому часу все еще не было дома. Возвращался он за полночь. И это не могло не тревожить заботливого отца.

Мечты его оборвались в тот самый момент, когда Зоя приехала и забрала их в город, сообщив, что квартира к проживанию готова. И что все получилось даже лучше, чем она думала.

– Кое-где снесли перегородки. Расширили кухню, коридор. Минимум мебели, – рассказывала она, ловко управляя машиной в городских пробках. – Вам понравится.

Им и понравилось, даже очень. Но первые недели Ивану Григорьевичу пришлось нелегко. Он страшно скучал по сложившемуся распорядку дня, по Тае, по своим несбывшимся мечтам. Он даже подумывал попросить Зою пожить там снова, но тут Арсений начал выкидывать один фортель за другим.

То обанкротится, то задолжает, то заболеет какой-то немислимой лихорадкой, завалившись на больничную койку на полтора месяца. Вот как он мог его оставить в такой момент?

И все же разговор с Зоей у него состоялся. Совсем недавно. Удивительно, но она с пониманием к этому отнеслась. И даже Таю одобрила. И добавила:

– А она скучает по тебе, Ванечка. Звонит мне, все время о тебе спрашивает.

– А почему же ты мне ничего?.. – Он так разволновался, что мгновенно подскочило давление.

– Я думала, что она для тебя ничего не значит. Решила, что она навязывается. Ты же никогда ни словом, Ваня.

Зоя смотрела мягко, нежно. Она его очень любила. Они с детства были дружны. Не то что с Зиной. Та вечно вредничала и подставляла их перед родителями.

– Я стеснялся, сестренка. Да и Арсений... То одно, то другое. Как бы я его оставил?

Тут Зоя начала его ругать и без конца вспоминать, что Арсению уже тридцать лет, и он вполне себе самостоятельный. И пора бы уже папочке отпустить сыночка.

– Ты сама его не отпускаешь, – посмеялся он тогда в ответ.

– Что да, то да, – не стала возражать сестра. – Он наш с тобой любимчик. Вот и избаловали...

Они договорились, что как только дела у Арсения пойдут на лад, Иван Григорьевич переселится на дачу. И Зоя сразу уволит сторожа.

– Я лучше тебе стану эти деньги переводить. Родная душа, не чужой человек...

Это она правильно подметила. Они всегда были и оставались родными душами. Зоя брата поддерживала, помогала. Он любил ее просто за то, что она его сестра, и никогда ни о чем не

просил. И теперь страшно тосковал по ней. И очень переживал, что виновника ее гибели не найдут. И тайно боялся, что виновником может оказаться кто-то из близких.

У всех ведь, у всех был корыстный интерес. У всех, кроме него.

– Па, иди завтракать, – громко позвал из кухни Арсений. – Я уже накрыл.

На столе стояли две тарелки. В каждой по три сырника. Арсений ловко умел их готовить. Творог ни разу не расползся. К сырникам поставил повидло, которое Иван Григорьевич успел наварить, проживая на даче. И, конечно, традиционный утренний кофе.

– Спасибо, сын. Аппетитно выглядит.

Они уселись за стол. Приступили к завтраку. Арсений казался беззаботным, но Иван Григорьевич уловил его беспокойство. По складке на переносице. Когда сын переживал, она там залегала – глубокая, тревожная.

– Ты же понимаешь, что они снимут отпечатки с этой коробки, – проговорил Иван Григорьевич, когда с сырниками было покончено и они перешли к кофе.

– И что! Там по всей квартире мои отпечатки. Я часто бывал у тети. – Взгляд сына тут же нырнул под стол.

Врет! И неумело, глупо.

– Понимаешь, Арсюша, мне-то ты можешь врать. Понятно, что я сделаю вид, что тебе поверил. Но под протокол такие твои штучки не пройдут.

Он на сына не смотрел. Знал, что увидит надутые от обиды губы и полные упрека глаза. Сын всегда этим манипулировал. Знал, что отцу эти губы и эти глаза резали ножом по сердцу.

– Они тебя раскрутят, как щенка. На раз, как они говорят. Вот так. – Он пощелкал пальцами, которые подрагивали от переживаний. – Поэтому...

– Поэтому – что?

Губы сына задрожали, как в детстве, когда он собирался плакать.

– Поэтому ты все расскажешь мне. И мы с тобой выстроим стратегию защиты.

– Па, какого хрена! – взорвался Арсений, стукнув по столу снизу так, что его пустая тарелка и кофейная чашка подпрыгнули.

– Не выражайся, – остался бесстрастным Иван Григорьевич. – Мы за столом, дома. Не в кабаке портовом.

– Извини, – буркнул сын после паузы. – Но ты, па, говоришь со мной так, будто считаешь меня убийцей!

– Убийцей – нет. Вором – да.

Иван Григорьевич мелкими глотками допил свой кофе. Медленно встал и принялся переставлять посуду со стола в раковину. Арсений молчал. И отец знал, чувствовал, что сын сверлит его спину злыми глазами.

– И я еще раз прошу тебя: расскажи мне все как есть, чтобы мы с тобой вместе, сообща придумали, как выкрутиться из этого дерьма. Извини, – добавил он, поняв, что только что тоже выругался. – Нервы...

– Па, я не убивал ее, – проговорил Арсений тем самым жалобным честным голосом, которому отец всегда верил. – Мне тоже Зою жалко. Я любил ее. И не только потому, что она деньги мне давала. А потому...

Голос дрогнул. Отец обернулся и глянул на сына. Тот сидел, сгорбив спину, прижимая ладонь к глазам.

– А почему еще? – решил он уточнить.

– Потому что она меня тоже любила. Как ты, как никто больше на этой земле. Зоя... Она мне была как мать. Даже больше. Она баловала меня. Она верила в меня. Даже ты не верил, а она – да. И последний мой проект, на который она обещала дать мне денег, он пошел, пап. Я запустил его! И уже есть прибыль.

– Она обещала дать тебе денег... – проговорил Иван Григорьевич, когда сын умолк. – Но не дала же. Тогда как? Как ты запустил проект? Занять где-то еще ты не мог. Тебе уже не дают в долг крупные суммы. И я повторяю вопрос: что было в той коробке?

– Да блин! Я рассовал все это по карманам. С перепугу! Наличности было немного. А колье изящное. Все уместилось с легкостью. Ничего не было заметно. О том, что меня могли обыскать, я как-то не подумал...

Арсений вскочил со стула, выбежал из кухни, вернулся с телефоном. Поерзал пальцем по экрану. Поднес телефон к лицу отца.

– Вот, что там было, пап. И еще немного наличных.

– Колье! – ахнул Иван Григорьевич, поводя вокруг глазами как безумный. – А я все думаю, куда же оно подевалось? В сейфе не было. В шкатулках Зоиных тоже. А оно у нее... Просто валялось в коробке?! Под комодом в спальне?! Этого... Этого не может быть, Арсений! Ну-ка увеличь фотографию, хочу посмотреть детально.

– Может, на компе посмотришь? – сделался вдруг чрезвычайно услужливым сын.

– Давай на компьютере.

Они прошли в комнату Арсения. Отец приятно удивился. Сын уже и кровать застелил. И вообще в комнате был порядок. Ни пыли, ни разбросанных носков с футболками.

– Вот смотри.

Арсений уступил ему место за столом. Иван Григорьевич надел очки, приблизил лицо к монитору. Принялся двигать курсор по фотографии украшения.

– Это не оно, – выдохнул он с облегчением. – Это копия. Очень удачная.

– А ты в этом разбираешься? – удивился сын, присев на край кровати.

– Неплохо. – Иван Григорьевич с легким высокомерием глянул. – Зоя и ее муж часто привлекали меня в роли эксперта. Не очень хотели светить украшения чужим людям. Как бы ни были хороши ювелиры со стороны, хранить чужие тайны они не обязаны.

– А ты хранил?

– Конечно! – возмущенно воскликнул Иван Григорьевич. – Даже ты не знал об этом колье. И о других Зоиных украшениях. А там приличная коллекция.

– Расскажи мне о нем – о колье, – с доброй улыбкой попросил Арсений. – И почему копия валялась в картонной коробке среди денежных купюр? Знаешь, во сколько мне оценили эту подделку? Четыре тысячи долларов. Это смогло...

– Ты сдал копию в ломбард?! – ахнул отец, хватаясь за сердце. – Пока идет следствие по факту убийства твоей тети?! Ты!.. Ты обнаружил тело, сынок! Как ты... как ты мог?! Это же сразу приведет к тебе! Ты станешь единственным подозреваемым! Ты... Ох, господи!

Он почувствовал, как сползает по спинке высокого кресла на колесиках, потому что откуда-то вдруг налетели огромные темные мухи, бьющиеся о его лоб с диким стуком.

Он слышал, как Арсений громко кричит ему что-то на ухо. Потом звонит куда-то. Но не мог его остановить. И даже рукой пошевелить не смог, чтобы погрозить ему пальцем.

Потом была «Скорая», несколько уколов. И таблетка под язык.

– До инсульта, слава богу, не дошло. Но отца надо беречь, молодой человек, – угрюмо оглядел Арсения пожилой фельдшер. – И если он забыл, то сами измеряйте ему давление. И таблетки... Не забывайте о них.

– Пап, прости меня!

Арсений сел на диван, где Иван Григорьевич лежал в ожидании отъезда «Скорой».

– Прости меня, ради бога! Я и не думал ничего такого... Просто когда вошел в ее квартиру и увидел ее... Меня словно кипятком облили. Так я перепугался. – Арсений захныкал, как в детстве. – Не смей меня бросать! Живи, пожалуйста! Зоя ушла. Ты вдруг заболел. Не надо, пап!

– Где?.. – Иван Григорьевич нашарил его ладонь, сжал и легонько дернул, разворачивая сына к себе. – Где была коробка с копией?

– Там, где была всегда – под комодом в спальне. Там, где ее нашли менты.

– Откуда ты знаешь, что она там была всегда?

– Зоя там хранила мелочовку. И не пряталась от меня, когда давала деньги. Она мне доверяла. И некоторые украшения туда из сейфа перекладывала, когда я должен был к ней прийти. Я потому и взял это, что понял: приготовлено для меня. И деньги и украшение. Мы же с ней договаривались о встрече.

– Почему такое странное место? – еле поднял удивленно брови Иван Григорьевич.

– Это у нее надо было спрашивать. Сам знаешь, что некоторые вещи она не могла объяснить даже самой себе.

– Уже не спросим...

Его тело словно онемело. И мышцы не слушались. И мимика лица не подчинялась его командам.

– Это лекарства, пап, – понял его испуг Арсений. – Ты поспи. Потом поговорим.

– Хорошо, но прежде скажи мне, куда ты отнес копию? Кто оценивал подделку?

– Тот, кто ее и изготовил. По Зоиной просьбе.

– Кто, сын?

– Она всегда общалась только с одним ювелиром, папа. Разве ты забыл?

– А-а-а, понял... – Он попытался досадливо поморщиться, не вышло. Но ненавистное имя все же слетело с губ. – Гоша Ляпов, старый засранец. Как же без него! Вот что, сынок... Тебе надо забрать кольцо у Ляпова. Немедленно. А деньги ему вернуть.

Глава 7

– У нас очередной «висяк», – попытался пошутить Серега Носов, сидя рядом с ним в служебном автомобиле. – Грустно...

Илья промолчал. Хотя считал, Серега недалек от истины. В деле убийства Зои Григорьевны Илюхиной они не продвинулись ни на шаг. Смерть матери и дочери Дымовых притянуть к убийству Илюхиной не вышло. Никогда и нигде эти женщины не пересекались. Это утверждали все члены семьи Зои Григорьевны.

– Где эти алкаши, а где моя сестра! – возмущалась Зина Григорьевна, широко раздувая ноздри мясистого носа. – И знакомы они не были.

Ее дочь тоже недоуменно мотала головой. Брат погибшей не был столь категоричен, но тоже не мог себе представить: где и при каких обстоятельствах Зоя могла с ними познакомиться. Его сын тоже не знал. Никто из соседей Илюхиной никогда не видел во дворе ни одну из Дымовых. Так же как никто не мог ни одного плохого слова сказать о ее любовнике, пребывающем ныне в скорби.

– У него точно алиби, Серега? – неожиданно нарушил Илья тишину в машине.

– Ты о Никулине или о ее племяннике?

– И о том, собственно, и о другом.

– Никулин утверждает, что все время был дома. И даже говорил с ней по телефону. Мы проверили. Телефон его засветился по его адресу. Но это было еще до ее гибели. Там вышка рядом. Соседи видели свет в его окнах далеко за полночь. Потом Никулин задернул шторы. Свет погас. Племянник был дома с отцом.

– Алиби... Все рыхло как-то, капитан. Не находишь? – Илья поерзал на заднем сиденье служебного автомобиля, ему было тесно и душно.

– Ну да... Никулин мог поговорить с ней по телефону, включить везде свет и тут же напрямик отправиться к ней домой. Потом вернуться, занавесить шторы, выключить свет. Я проверял по времени. Выходит.

– Но где он два часа пропадал? Между моментом наступления ее смерти до того, как ее повесили, прошло минимум два часа. Возможно...

Илья растегнул две пуговицы на рубашке. Схватился пальцами за воротник, подергал, пытаясь обдуть потную шею. Ничего не вышло. Духота в салоне автомобиля была невыносимой.

– Открой окно, – потребовал он от Сереги.

С его стороны окно не открылось.

– Не откроется, – предупредительно крикнул им водитель. – Я специально заблокировал, чтобы пыль не летела. Вам езды десять минут. А мне потом салон пылесосить.

– Умник... – проворчал Илья и продолжил: – Возможно, ее никто не хотел убивать. Возможно, произошла ссора.

– Соседи ничего такого не слышали, – возразил Носов.

– Такие интеллигентные дамы, как Илюхина, не скандалят так, как мать и дочь Дымовы. Это те орала на всю улицу. А Зоя Григорьевна могла и голоса не повысить.

– Могла, – не стал спорить Серега. – Ее брат утверждает, что она была очень воспитанна и сдержанна.

– Во-от! Это еще раз свидетельствует в пользу той версии, что она погибла в результате несчастного случая. Спорили, спорили, кто-то кого-то толкнул. Илюхина упала и...

– И сломала себе шею. Но нигде на мебели ни единого следа. – Теперь и Серега оттопырил на груди рубашку. Тоже страшно вспотел.

– Вымыли. Убрали. В квартире была идеальная чистота. Помнишь утверждения племянника?

– Хорошо, а вешать зачем? Спустя два часа! Думали, что наши эксперты лаптем щи хлебают?

– А не думали, Серега. Не думали об этом. Просто решили инсценировать самоубийство, и все. Решили, что полиции так проще будет. Разбираться не станет. Тем более что все ценности, документы, деньги погибшей были целы. Нет ни единого следа, что сейф пытались взломать. Это убийство не совершено с целью грабежа. Оно произошло совершенно случайно. А потом уже стали замечаться следы. И это кто-то... Кто-то близкий ей. Если бы пришли грабить, вынесли бы много чего. Картины, фарфор, статуэтки, одних шуб криминалисты насчитали шесть штук. Дорогие, качественные. И телефон последней модели лежал на виду. Никто не тронул. Это не гопники. Это свои. Кстати, сынок с папой запросто могли друг другу подыграть.

– Ты насчет алиби?

– Так точно. – Илья кисло улыбнулся. – Кажется, подъезжаем...

Загородный коттеджный поселок, как они уже знали, раньше был небольшим селом с четырьмя сотнями проживающих. Никто и никогда здесь даже дачи не снимал. Было неудобно добираться. Сначала на электричке, потом на попутке, если повезет. Если нет, топай от станции пешком четыре километра.

Именно тогда присмотрел себе здесь участок и купил его за бесценок ныне покойный Игорь Семенович Ляпов. Купил. Начал строиться. Тем временем и дорогу провели. От самой Москвы через соседнее село. От того до этого населенного пункта лет двадцать назад тоже проложили вполне себе сносное дорожное полотно. И народ повалил. Скупали все, что только можно было. Ни один клочок земли не остался без хозяина. Местных со временем вытеснили в город. Они могли себе позволить купить квартиру в спальном районе на вырученные за землю деньги. А здесь обжились важные, обеспеченные люди.

– Вот этот дом, – указал на распахнутые ворота Носов. – Участковый, смотрю, заждался.

Они вышли из машины вместе с экспертом. Представители следственного комитета еще не подъехали.

– Что случилось? Отчего такой переполох?

Илья протянул руку участковому. Тот нервно схватился за нее, судорожно затряс.

– Ой, товарищ майор, тут такое! Впервые за все время моей службы, такое!

Илья покосился на него неодобрительно. Еще, чего доброго, за голову примется хвататься. Непрофессионально...

– Доложите по форме, капитан, – потребовал он, медленно входя в ворота. – Почему решили вызвать нас? Местный райотдел не справился бы, что ли?

– Так мое начальство и велело вас вызвать. Мол, похожий случай на вашей земле был. Наши эксперты уже осмотрели тело. Своего могли и не везти.

– Ну, как же! Раз похожий случай! Кто же станет сходство искать, если не мы? – не без сарказма ответил Илья. – Итак...

– Погибший, то есть убитый – Игорь Семенович Ляпов. Семидесяти шести лет от роду. Ювелир со стажем. Тяжело болел. Жаловался мне не так давно, что врачи ему чуть больше года оставили. Так что... Он был обречен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.